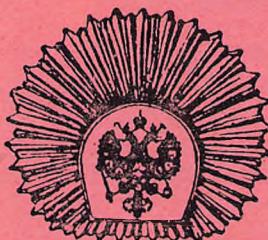

№ 53
МАРТ 1962 год

ГОД ИЗДАНИЯ 11-Й

СОВЕТСКАЯ СУДЬЯ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

В воскресенье 25 февраля 1962 года, перед началом Годового Собрания Общества Кадетского Объединения во Франции, у Кадетской Лампады была отслужена панихида по Почетном Председателе Объединения

Великому Князю ГАВРИИЛЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

Лейб-драгуны, с глубокой скорбью, извещают о кончине своего дорогого однополчанина и друга

Бориса Михайловича ЛАБУДЗИНСКОГО

последовавшей в Нью-Йорке.

СОДЕРЖАНИЕ

Описание торжества столетия Первого кадетского корпуса — Висковатов	1
Поход и гибель линейного корабля «Пересвет» — К. Иванов-Тринадцатый (продолж.)	7
От Самары до Марселя (оконч.) — В. Рыхлинский	12
На пути к Новороссийску — Иван Сагацкий	16
Ночные атаки — полковник Рябинский	23
Заграничное плавание корабель. гардем. выпуск 1913 г. — И. Волхонский	26
Северная Чечня — Д. Де-Витт	29
Искусство и счастье — В. Милоданович	33
Царская ложка — А. Редькин	35
К столетию польского восстания — Владимир фон-Рихтер	36
Зарубежные Высшие Военно-научные курсы генерала Головина в Париже — Н. Н. Р.	40
Кот — Князь А. Искандер	42
Вопросы и ответы	44
Систематический Указатель журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» №№ 31 - 50 — Е. Л. Янковский	45
Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом (продолж.) — Алексей Геринг	47

Подписная цена во Франции 15 нов. фр. с перес., в Германии 12 марок, в Англии и Австралии — отд. № 5 шил., год подп. — 25 шил., в Сев. Америк. Соедин. Штатах — отд. № 80 ц., год. подп. — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку по Издательству направлять по адресу Редакции: 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16^e

Почтовый Счет: «Le Passé Militaire» 3910 — 12 Paris

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.
АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

11-й год издания

№ 53 МАРТ 1962 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 NF

Описание торжества столетия Первого Кадетского Корпуса

К примечательным событиям царствования Государя Императора Николая I Павловича, должно отнести торжество столетия 1-го Кадетского Корпуса. Заведение сие, одно из старейших в России, быв от самого своего начала предметом особенного Монаршего

внимания, при сем достопамятном случае имело счастье увидеть новые опыты благоволения к нему Царствующего Императора и Августейшего Его Дома. — 17 февраля 1832 года, день, в который началось второе столетие 1-го Кадетского Корпуса, пребудет незабвенным в его летописях.

Одним из знаков отличного внимания Императрицы Анны Иоанновны к Кадетскому Корпусу, в первый год его учреждения, было пожалование оному знамени, ныне царствующий Император пожелал подобным же образом явить Корпусу Свое высокое благоволение.

Для сего 16-го февраля, в 7 часов вечера, по приказанию, объявленному накануне Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Павловичем, Главный Директор и Директоры Пажеского и Кадетского Корпусов, батальонный командир, прочие Штаб и Обер офицеры, фельдфебели, подпрапорщики, по одному унтер-офицеру и по два кадета с роты Первого Кадетского Корпуса, для получения нового знамени, были вызваны в Концертную залу Зимнего дворца, где уже находились Главный Начальник Корпусов Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович, Генерал-фельдмаршал Князь Варшавский граф Паскевич Эриванский и Генерал-адъютанты, бывшие в тот день в С. Петербурге. Посреди залы на столе, покрытом малиновым бархатом, с золотым галуном и такою же бахромою, были приготовлены: свернутое новое знамя и его принадлежности, как то: древко, кисти и проч. По прибытии в залу Их Величеств, Государь

Император, как Шеф Корпуса, собственными руками прикрепил к древку знамя, железными гвоздями. После того, по установленному для таковых случаев порядку, обернув знамя около древка, Его Величество вбил первый гвоздь, второй утвержден рукою Государыни Императрицы, третий Великим Князем Михаилом Павловичем, четвертый Генерал-фельдмаршалом Князем Варшавским Графом Паскевичем Эриванским, пятый и следующие Генерал-Адъютантами по старшинству, начиная с Министра Императорского Двора, Главным Директором Военно-Учебных Заведений, Корпусными Штаб и Обер-Офицерами и кадетами. Вместе с сими последними изволили прибивать гвозди к знамени Их Императорские Высочества Цесаревич, Наследник и Великий Князь Александр Николаевич, находившийся во все время церемонии в кадетском мундире за унтер-офицера роты Его Величества, и Великий Князь Константин Николаевич. По прибитии к знамени последнего гвоздя, Государь Император собственноручно прикрепил к оному кисти и, подняв знамя со стола, вручил его Подпрапорщику, после чего кадеты и бывшие с ними офицеры возвратились в Корпус, где знамя было поставлено в церковь для освящения, имевшего последовать на другой день.

Знамя сие имеет крест малиновый, углы белые с золотыми изображениями, на двух из них вензелевого имени царствующего Императора, в лавровом венке, а на остальных герба Первого Кадетского Корпуса, состоявшего из Меркуриева жезла и шпаги, наложенных один на другую крестообразно. В средине знамени на желтом поле изображен Государственный герб, вокруг поля золотой лавровый венок, кое-гого нижняя часть закрыта налписью: 17 февраля 1732 года и 17 февраля 1832 года. Кисти к знамени серебряные. Древко окрашено палевою краскою.

17 февраля, в десятом часу утра, батальон Первого Кадетского Корпуса, состоявший из рот: Его Величества, 1-й, 2-й и 3-й мушкетер-

ских, в составе шести взводов, с ружьями и не-ранжированная рота, в двухвзводном составе без ружей, построились в корпусном манеже, в ожидании повеления выступить на Румянцевскую площадь, куда и были приведены в 10 часов, Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Павловичем и построены развернутым фронтом, имея знамя против памятника, воздвигнутого победам Графа Румянцева-Задунайского воспользовавшегося в Первом Кадетском Корпусе при Императорице Анне Иоанновне. В 10 с половиной часов изволил пребыть Государь Император, верхом, в корпусном мундире, в сопровождении Его Королевского Высочества Герцога Александра Виртембергского, Его Светлости Принца Петра Ольденбургского, Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавского, Иностранных Министров и Посланников, Генерал и Флигель-Адъютантов, Генералов состоявших в Свите Его Императорского Величества и многих других военных Генералов, Штаб и Обер-Офицеров. Его Величество, приветствованный от батальона единодушным и громким ура, по принятии установленной чести, благоволил обратиться с приветствиями к кадетам, удостоенным в сей день производства в офицеры и построенным лицом к батальону, влево от памятника Румянцева.

Вскоре изволили прибыть Государыня Императрица и Великая Княгиня Елена Павловна в великолепной карете. При встрече Ее Величества, как Государь Император, так и Великий Князь Михаил Павлович находились на правом фланге батальона, а Его Высочество Наследник Престола во все время парада стоял при знамени, в кадетском мундире и амуниции, за первого по номеру унтер-офицера. Государыня Императрица, проехав вдоль фронта, возглашавшего Ее Величеству громогласное ура, изволила остановиться по правую сторону памятника Румянцева-Задунайского, а батальон в честь оному сделал на караул, при чем салютовал и сам Государь Император, при троекратном ура стоявших в строю кадет, кои с истинным восторгом восчувствовали столь лестный знак уважения Венценосца России к памяти и заслугам их предка-товарища. После сего, батальон и неранжированная рота, предводимые Его Величеством, проходили церемониальным маршем мимо Государыни Императрицы. Сим заключен был парад, один из самых достопамятных и, между тем как последние пять взводов входили в Корпус для оставления сум и ружей, grenadierский взвод, по установленному порядку, отнес старое знамя в церковь, где оное сохраняется в память торжества 17 февраля 1832 года.

В сей день по утру Государь Император пожаловал кавалерами орденов: Главного Ди-

ректора Пажеского и Кадетских Корпусов Генерал-Адъютанта Демидова — Св. Владимира 1-й степени, Директора Первого Кадетского Корпуса Генерал-Лейтенанта Перского — сего же ордена 2-й степени, Батальонного Командира Полковника Слатвинского — Св. Анны 2-й степени, Командиров рот: Его Величества Капитана Севербриня и 3-й Мушкетерской Капитана Бунчковского — Св. Владимира 4-й степени, 1-й и 2-й мушкетерских Капитанов Судовщикова и Смецкого и Корпусного Адъютанта Штабс-Капитана Богговута — Св. Анны 3-й степени.

Государь Император, Государыня Императрица, а также Великая Княгиня Елена Павловна, в ожидании сбора кадет в церковь для слушания Божественной Литургии, изволили оставаться внутри Корпуса в нарочно отделанных комнатах. Генералитет же и прочие приглашенные особы поместились частью в церкви, частью в смежных с оной покоях.

Кадеты, по приходе в церковь, построились по ротно, меньшие ростом впереди, и таким образом, что между ими по длине церкви оставался устланный ковром свободный ход для Императорской Фамилии. Перед кадетами, по средине церкви, стал Подпрапорщик с новым знаменем, а по сторонам их поместились воспитанники Корпуса, произведенные в сей день в офицеры. Вместе с кадетами роты Его Величества изволил находиться Его Высочество Наследник, стоявший во все время продолжения Божественной службы в шеренге с унтер-офицерами оной роты.

В течении трех недель предшествовавших описываемому празднству, начальство 1-го Кадетского Корпуса употребило все старания, чтобы наружный вид храма и соседственных с оным комнат и переходов соответствовал предстоявшему торжеству. Кроме того, что вся церковь была обновлена и снажена новыми ризами, напрестольными и прочими одеждами из голубоко бархата, обита по полу коврами и алым сукном, сие последнее покрывало все смежные с оною покой и всю лестницу, ведущую к церкви от большого подъезда, что на набережной под балконом. Самые сени, посредством вновь устроенных дверей со стеклами, и красивых чугунных печей, из холодных обращены в теплые. Галерея между Музеумом и неранжированной ротою закрыта рамами со стеклами.

По собрании всех кадет в церковь и по установлении их вышеуказанным порядком, Государь Император и Государыня Императрица, в сопровождении нескольких дам и фрейлин Двора Его Величества, по две в ряд, изволили выйти из внутренних покоев в церковь и заняли место на правой стороне.

Затем началась Литургия, которую совершил Его Императорского Величества Духовник и Главного Штаба Его Императорского Величества Обер-Священник Музовский, с Протоиреями полков Лейб-Гвардии Преображенского Кавалером Сицилийским, и Семеновского Кавалером Наумовым, и с священниками Лейб-Гвардии Преображенского полка Александро-вым и Первого Кадетского Корпуса Магистром Раевским. После обедни последовало благодарственное молебствие, совершенное Высокопреосвященным Митрополитом Серафимом. По возглашении многолетию Царствующему Императорскому Дому и вечной памяти Учредительнице Корпуса Императрице Анне Иоанновне, возглашено многолетие победоносному Российскому Воинству. При отправлении Божественной Литургии на крылосах пели кадеты, совокупно с придворными певчими, а Символ веры, молитва Отче наш и многолетие были петь всеми кадетами, находящимися в церкви.

К молебствию было присоединено освящение нового знамени. По отправлении духовенством предписанной на сии случаи Церковным Уставом службы, Государь Император изволил принять от Подпрапорщика знамя, и по окроплении оного Святою водою, передал его Директору Корпуса Генерал-Лейтенанту Перскому. Минуты, в которые Высокопреосвященный Митрополит совершал окропление знамени, держимого Самим Венценосцем, были торжественные. Какие возвышенные чувства не одушевляли в сие время всех присутствовавших, в особенности тех, до кого именно относилась сия великая почесть. Под первым знаменем Корпуса, дарowanным оному Самодержавною рукою Императрицы Анны Иоанновны, взросли в сем заведении Фельдмаршалы: Румянцев, Прозоровский и Каменский (граф Михаил Федотович), множество других военных Генералов, и знаменитых людей, почти по всем частям Государственного Управления. Перед памятником первого из них началось торжество второго столетия Корпуса, кто знает, что под новым знаменем, пожалованном рукою царствующего Императора, из среды юных питомцев Корпуса не возникнут Полководцы, перед памятниками которых признательное потомство будет встречать третье столетие Корпуса.

По окончании молебствия, Императорская Фамилия изволила перейти в комнаты, находящиеся в связи с церковью и занимаемые Советом и Канцелярией Корпуса. те самые комнаты, где некогда знаменитый Князь Меньшиков принимал и угощал Императора Петра I-го, Императрицу Екатерину I-ю, Императора Петра 2-го, чужестранных Послов и знатнейших вельмож России.

В комнате Корпусного Совета, выходящей

окнами на Неву, и сохранившей все убранство времени Петра Великого, приготовлен был завтрак для Императорской Фамилии, в смежной с нею, для знатнейших особ Свиты Их Императорских Величеств и в большой зале Корпусного Музеума для прочих особ, приглашенных к торжеству, всего для 350 человек. Завтрак сей был дан Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Павловичем, как Главным Начальником Корпуса. К оному, сверх особ, составлявших Свиту Их Величеств, удостоились приглашения следующие лица:

1. Первого Кадетского Корпуса Штаб и Обер-Офицеры, по одному фельдфебелю, по одному унтер-офицеру и по одному кадету с роты.

2. Воспитанники Корпуса, удостоенные в тот день производства в офицеры.

3. Инспекторы Александровского Кадетского Корпуса и Дамы оного, состоявшие при бывшем Малолетнем Отделении Первого Кадетского Корпуса.

4. Священник Первого Кадетского Корпуса и состоящие при оном Священнослужители чужестранных исповеданий.

5. Медицинские чиновники и Учителя Первого Кадетского Корпуса.

6. Члены Совета о Военно-Учебных Заведениях и Правитель Канцелярии сего Совета.

7. Члены Императорской Военной Академии.

8. Чины Штаба Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича, по управлению Главного Начальника Пажеского, всех сухопутных Кадетских Корпусов и Дворянского полка, также Дежурный Штаб-Офицер, Начальники Отделений и Старшие Адъютанты Дежурства Главного Директора Пажеского и Кадетских Корпусов.

9. Директоры Военно-Учебных Заведений Сухопутного и Морского ведомства, Директор Царскосельского Лицея, Исправляющий должность Директора Александровского Корпуса и Генералы, состоящие при Его Императорском Высочестве Великом Князе Михаиле Павловиче по управлению Военно-Учебными Заведениями, также при Главном Директоре Пажеского и Кадетских Корпусов.

Убранство в сей день обширной залы, занимаемой библиотекой и Музеумом Корпуса, заслуживает особенного внимания. У стены ближайшей ко входу в залу от церкви, подле портрета во весь рост царствующего Государя Императора, помещены грудные портреты Их Императорских Высочеств Главных Начальников Первого Кадетского Корпуса по правую сторону в бозе почившего Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича. а по левую Великого Князя Михаила Павловича в

корпусных мундирах. На правой стороне залы, от входа в оную, вделаны в простенки между окнами доски из серого мрамора с золотыми украшениями и с таковым же изображением имен: на первой доске трех Фельдмаршалов, получивших образование в Корпусе, а на второй, тех из поступивших 17 февраля 1732 года пятидесяти шести кадет, кои отличались в Корпусе успехами в науках и поведении, а в последствии занимали почетные должности в Государстве.

Имена сии суть: Александр Васильевич Новосильцов, первый записавшийся в кадеты, Иван Иванович Мелиссино, после Тайный Советник и Куратор Императорского Московского Университета. Князь Петр Иванович Репнин, Генерал-Поручик и Полномочный Министр при Испанском Дворе, принявший из рук Императрицы Анны Иоанновны первое корпусное знамя. Иоганн Фелькерзам, Генерал-Майор и Рижский Обер-Комендант. Адам Васильевич Олсуфьев, Действительный Тайный Советник и Член Государственной Коллегии Иностранных Дел. Николай Наумович Чеглоков, Действительный камергер Двора Императрицы Елизаветы Петровны, состоявший при Особе блаженных памяти Государя Императора Петра 3-го, по прибытии Его Величества из Голштинии в Россию.

Под доскою, украшенною именами Фельдмаршалов, на мраморном пьедестале поставлено изображение, в малом виде, колоссальной статуи Задунайского Героя, принесенное в дар Корпусу сыном сего знаменитого мужа, Графом Сергеем Петровичем Румянцевым. Против сего изображения, на противуположной стене помещена в великолепной, богато драпированной золотой раме картина, представляющая в отдалении кадетский лагерь под Петергофом, а пред оным, в натуральную величину Наследника Престола в полной амуниции, в мундире унтер-офицера Первого Кадетского Корпуса. Его Высочество изображен с сохранением величайшего сходства, опершимся левою рукою на ружье и как бы взирающим на начертанные на противуположной стене имена знаменных мужей, образовавшихся в Первом Кадетском Корпусе. Далее в глубине залы против портрета Государя Императора, поставлен портрет во весь рост Императрицы Анны Иоанновны, находившийся до описываемого празднества в Петергофском Дворце и к сему времени пожалованный Его Императорским Величеством Корпусу. Влево от оного помещен портрет, также во весь рост, виновника учреждения Корпуса Фельдмаршала Графа Миниха. Упомяная о сем последнем, нельзя умолчать о внимании, какое обращал Государь Император на предстоящее торжество юбилея. Находя

приличным, чтобы портрет знаменитого мужа украшал залу основанного им Корпуса, залу, где помещены портреты одних Высочайших Особ и «узнав, что таковый находится в Санкт-Петербурге в Училище Евангелической церкви Св. Петра, Его Величество повелел перенесть упомянутый портрет для дня празднества в Первом Кадетском Корпусе, а дабы заведение сие всегда имело в своих стенах изображение своего основателя, повелел с оного портрета снять копию, назначив ее в дар Корпусу».

Обширность залы, украшение оной и стече-
ние завтракавших за двумя длинными рядами
столов, представляли собою прекрасную карти-
ну, коей блеск увеличивался присутствием и милостивым обхождением Императорской Фамилии. И здесь нельзя было не заметить особенной чести, оказанной Корпусу тем, что Его Императорское Высочество, Наследник Престола находились при завтраке вместе с кадетами и в одинаковом с ними мундире.

В продолжении завтрака, отличавшегося особым благоволением Царствующего Дома к присутствовавшим, Его Величество провозгласил тост за здоровье Первого Кадетского Корпуса, принятый всеми с восторгом. Вслед затем Его Высочеством Михаилом Павловичем был провозглашен тост за здоровье Государя Императора, Августейшего виновника сего торжества. Вслед за тостами и почти во все время собрания в зале Музеума играла духовая музыка. Между прочим был игран старинный марш, существующий едва ли не со временем Императрицы Анны Иоанновны и сохранившийся под названием «Кадетского».

По окончании завтрака, присутствовавшие при оном, равно и все кадеты, вслед за Императорскою Фамилиею отправились в Зимний Дворец, где в аван-зале уже собирались к двум часам по полудню приглашенные от имени Государя Императора все находившиеся в Петербурге бывшие воспитанники Корпуса, состоявшие в военной и гражданской службе, равно и в отставке. Сие собрание представляло собою редкое, любопытное зрелище. Слишком 400 человек, обязанные своим воспитанием одному заведению, служащие по разным частям и в разных странах обширной России, одни уже поседевшие на службе, другие только начинаяющие оную, многие невидавшиеся между собою в продолжении нескольких десятков лет, иные даже с самого выпуска, свиделись в великолепных Императорских чертогах. Начиная от полного Генерала до Пропорщика, от Действительного Тайного Советника до чиновника 14 класса, были там собраны все чины. Почти все они имели разные состояния, разные должности, разные заслуги, но все до последнего были в оные минуты одушевлены одним чув-

ством, чувством безпределной признательности к Монаршим щедротам, доставившим им воспитание, и к Монарху, благотворящему место их воспитания. В продолжение сбора в аван-зале, а равно и прежде, за завтраком, почетнейшим из посетителей были разданы печатные экземпляры, составленной для сего дня краткой Истории Первого Кадетского Корпуса.

В 3 часа начался обеденный стол, приготовленный для Императорской Фамилии, бывших кадет, других лиц удостоенных приглашения и кадет роты Его Величества в Георгиевской зале, для нововыпущенных Офицеров в Портретной, а для воспитанников остальных четырех рот в Белой, всего на 1187 кувертов. На концах столов сидели по одной Генерал и Флигель-Адъютантов.

Вместе с кадетами роты Его Величества обедали Их Императорские Высочества Великие Князья, Наследник Александр Николаевич в мундире Первого Кадетского, и Константин Николаевич в одежде кадет Александровского Кадетского Корпуса.

В Георгиевской зале, где из бывших кадет обедало 26 военных Генералов и 12 Гражданских чиновников первых четырех классов, сидели по старшинству выпускников в Офицеры, начиная с 1782 по 1831 год.

Первое место по левую сторону Государя Императора занимал Генерал-Адъютант, находившийся некогда при воспитании Его Императорского Величества, ныне же состоящий при Его Высочестве Наследнике Цесаревиче и Великом Князе Александре Николаевиче, Генерал-Лейтенант Павел Петрович Ушаков, коему Государь Император, как старейшему по времени выпуска, из присутствовавших при обеде воспитанников Первого Кадетского Корпуса, даровал позволение носить мундир сего заведения и повелел удвоить все оклады получаемого им жалования.

Второе место, по старшинству выпуска, занимал отставной Майор Философов. По правую сторону Его Величества сидел Его Высочество Главный Начальник Корпуса, напротив Государыня Императрица Александра Феодоровна и Великая Княгиня Елена Павловна. за сим же столом обедали: Герцог Виртембергский, Принц Ольденбургский, Высокопреосвященный Митрополит Серафим, Генерал Фельдмаршал Князь Варшавский Граф Паскевич-Эриванский. Министр Императорского Двора. Начальник Главного Штаба Его Императорского Величества некоторые другие знатнейшие Генера́чи и Статс-Ламы.

Помещение гостей по выпускам доставили им ту выгоду и то особенное уловолъствие, что сидевшие вместе уже были знакомы друг с другом с давнего времени и следовательно мог-

ли предаваться воспоминаниям о днях беспечной юности, проведенной ими в Корпусе, что весьма естественно составляло большую часть их разговоров.

В сем собрании, где господствовало самое искреннее веселье, были забыты все различия чинов и званий, старые товарищи беседовали между собою, как бывало в стенах Корпуса, казалось, что все принадлежали к семейству одного доброго, обожаемого отца и только окружавшее их великолепие напоминало им, что отец сей, есть отец всей России, Блюститель ее чести, славы, пользы и спокойствия.

В продолжении обеда, о богатстве которого излишне было бы упоминать, Государь Император провозгласил заздравный тост Русской Армии, коей летописи украшены многими славными именами бывших питомцев Корпуса. Тост сей был принят с единодушным восторгом всех присутствующих, но как описать то усладительное чувство, в которое были приведены воспитанники времени незабвенного Графа Ангальта, когда на хорах залы загремел один из маршей наичаще игранных в Корпусе при Императрице Екатерине 2-й. Таковая степень внимания Монарха, глубоко тронула многих из посетителей, напомнив им золотые дни их первой юности.

В 5 часов обед кончился. Их Величества Государь Император и Государыня Императрица, также Их Высочества Великий Князь Михаил Павлович, встав из за стола, прошли между рядами гостей обедавших в Георгиевском Зале и осчастливив некоторых милостивым приветствием, изволили перейти в залы портретную и белую, а оттуда во внутренние покои. По уходе Императорской Фамилии, бывшие воспитанники Корпуса и большая часть других посетителей оставили дворец, будучи преисполнены чувств глубочайшей признательности к столу лестным знакам Монаршего внимания, а настоящие Кадеты, сняв амуницию, перешли в Эрмитаж, где по Высочайшей воле им были показываемы все драгоценности онога и примечательные произведения Искусства. В 7 часов вечера кадеты удостоились приглашения в Эрмитажный театр, где было дано представление лучшими артистами драматической и балетной труппы, при чем Его Высочество Наследник Престола опять находился с кадетами и в их мундире. По маловместительности театра кроме Императорской Фамилии, Генералов, Офицеров и кадет Первого Кадетского Корпуса не было приглашено туда никого из посторонних особ, не принадлежащих к управлению Корпуса. По окончании представления около 9 часов, кадеты были угождены во дворце чаём, а затем возвратились в Корпус, осчастливив

ленные всеми знаками благоволения Государя и всей Императорской Фамилии.

Между тем, как в Эрмитажном театре происходило упоминаемое представление, в 8 часов вечера была зажжена устроенная перед набережным фасадом Корпуса, на пространстве 154 сажень великолепная иллюминация. Онью составляли два огромные храма, внутри коих горели жертвенники, а над вершинами сияли два огромные солнца с вензелевыми изображениями, в транспарантах: на одном, против Исаакиевского моста, имени Императрицы Анны Иоанновны, а на другом, против здания занимаемого Музеумом, имени ныне благополучно царствующего Государя Императора. Под первым из под вензелей означен был в транспоранте же 1732, а под вторым 1832 годы. Оба храма соединялись галереей из двадцати арок, означавших каждое пятилетие, или люстр древнего Римского счисления, по сторонам шли аркады, заключавшиеся высокими обелисками. Сухая, безветренная погода благоприятствовала роскошной иллюминации, которая представляла собою обширный огненный храм, разливала на большое пространство свет и яркое зарево. Оба берега Невы, самая Нева и мост были покрыты зрителями в экипажах и пешком, толпившихся пред иллюминацией даже за полночь. Картину сию довершала стоящая за рекою статуя Петра Великого, которая, будучи озарена блеском огней, опоясывавших набережный фасад Первого Кадетского Корпуса, казались оживленною.

Подножие памятника, воздвигнутого победам Румянцева, также было иллюминировано, а против оного, у самого Корпуса, между двумя огненными пирамидами, в лавровом венке помещена надпись: Генерал Фельдмаршал Граф Румянцев-Задунайский, воспитанник Первого Кадетского Корпуса.

На другой день, 18 числа, в 7 часов вечера, в трех корпусных залах, старших, средних и неранжированных рот открыт был бал, к которому были приглашены родители и родственники кадет, также по 10 воспитанников Пажеского, 2-го и Павловского Кадетских Корпусов, нововыпущенные Офицеры и все кадеты Первого Корпуса. Начальство оного употребило все для сделания бала сколько возможно приятным и удобным, танцы в которых принимали участие как кадеты, так и их родственники, продолжались за полночь. Искренняя радость господствовала в кругу всех присутствовавших, кои в сей вечер имели счастье увидеть Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича и Великого Князя Михаила Павловича, удостоивших посетить каждый из трех балов. Его Высочество Наследник изволил оставаться в Корпусе до половины 11 часа, а

Его Высочество Главный Начальник Корпусов до самого окончания бала. Иллюминация была зажжена и в сей вечер. По утру следующего числа, по случаю масляницы, кадеты былиувольняемы на три дня к родственникам, а из оставшихся в Корпусе пять отличнейших, вместе с воспитанниками других Военно-Учебных Заведений, были приглашены Его Императорским Высочеством Наследником для катания с гор, и на вечер в Аничковский дворец, при каковом случае Его Высочество постоянно являл кадетам новые опыты Своего высокого благоволения.

20-го в субботу, столько же кадет Первого и по несколько воспитанников других Корпусов, удостоились приглашения к обеденному столу Великого Князя Михаила Павловича, а вечером Его Императорское Высочество, изволив пригласить еще по тридцати человек от каждого Военно-Учебного Заведения, доставил им удовольствие видеть Свой Арсенал, Китайские тени, разные комические сцены из балетов, и многие другие увеселения, продолжавшиеся даже до полуночи. К сему вечеру, бывшему повторением милостей к кадетам Их Императорских Высочеств Великого Князя Михаила Павловича и Великой Княгини Елены Павловны были приглашены несколько старейших воспитанников Корпуса времени Императрицы Екатерины II, как то: Генерал-Адъютант Ушаков, отставной Майор Философов, Действительный Тайный Советник и Член Государственного Совета Кушников и Тайные Советники, Сенаторы Дивов и Полетика. Его Императорское Величество почтил Своим присутствием сей примечательный вечер. Заботливость Его Высочества Великого Князя Михаила Павловича о кадетах простидалась до того, что даже для больных в лазарете были устроены увеселительные зрелища.

Таким образом, начиная 16-м и оканчивая 20 числами февраля 1832 года, Первый Кадетский Корпус может включить в описание торжества своего столетия, все сии пять дней, ибо ни один из оных не прошел без того, чтобы зведение сие не имело счастья видеть новых знаков неизреченного благоволения к нему Императорского Дома. В заключение, предстоит упомянуть об обстоятельстве, доказывающем с одной стороны милостивое внимание к Первому Кадетскому Корпусу Особ Царствующей Фамилии, а с другой Их благочестие, которое с самых давних времен составляет отличительную черту Российских Государей, и с самых давних времен входит в непременные правила Их воспитания. Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Александр Николаевич, желая показать всю степень Своего благоволения к Первому Кадетскому

Корпусу, соизволил пожаловать в церковь оного, в память торжества 17-го февраля 1832 года, образ одного из державных Предков Своих, Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. Сей дар, приобщенный к прежде пожалованному Корпусу Государынею Императрицею Анною Иоанновною и Ее Преемниками, сохранится в потомстве памятником милостей к Первому Кадетскому Корпусу На-

следника Всероссийского Престола и благочестия, как Его Императорского Высочества, так и Тех, кои, укореняя в Августейших Детях Своих, уважение к Вере, упрочивающей целость Государств, приуготовляют тем для России новые веки славы и благоденствия.

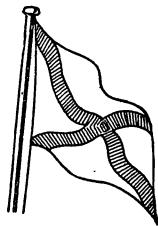
Висковатов
(с рукописи)

Поход и гибель линейного корабля «Пересвет»

(Продолжение)

VIII.

Порт-Саид.

В Порт-Саиде я застал следующую обстановку: первым, от входа в канал, у мола стоял старый французский броненосец, охранявший канал, название его я забыл, он был прислан сюда, на покой, после действий на Дарданельском фронте, под командой капитана I ранга Бенуа-д'

Ази, весьма милого и симпатичного человека, с которым мы в дальнейшем весьма подружились. За ним стоял английский крейсер I ранга под вице-адмиральским флагом. В руках этого адмирала сосредоточивалось местное английское командование. Затем французский броненосец береговой обороны, приспособленный для охраны канала и движения по нему. В разных местах были баржи, вооруженные зенитными противо-аэропланными орудиями. Отряд французских тральщиков и дозорных судов, несущих службу по тралению фарватера, при подходе к Порт-Саиду, со Средиземного моря и служащих дозорно-охранными судами, крейсирующими по выработанным курсам для движения торговых судов до Крита и Мальты, расположены был в глубине бухты.

Кроме того, я застал в Порт-Саиде крейсер «Ньюкастль», обогнавший меня в Индийском океане, капитан которого был очень удивлен, что меня не видел, несмотря на то, что мы следовали почти одним курсом, и, был очень удивлен, когда я ему показал выписки из вахтенного журнала с точным указанием времени, широты и долготы его место нахождения в момент, когда он ночью, очень близко, обогнал меня. На мое шутливое замечание, что он может считать себя взорванным, если бы я был в

это время командиром вражеской подводной лодки, он согласился, что это стремление совершенствовать наблюдательную службу еженочно, действуя всеми прожекторами, не достигло цели, после чего была выпита бутылка шампанского за темноту Индийского океана. Через несколько дней, крейсер ушел в Средиземное море. Окончив швартовку корабля и одевши надлежащую форму, на своем паровом катере (японской постройки с 17-ти узловым ходом), я отправился явиться флагману на английском корабле. По прибытии на крейсер я был встречен флаг-капитаном адмирала, который сообщил, что адмирала сейчас на корабле нет, что он живет на даче в Измаилии, а потому, если я желаю, он может дать мне моторный катер, который свезет меня в Измаилью, чтобы явиться адмиралу, на что потребуется почти целый день, в противном случае мне придется подождать несколько дней, так как раз в неделю адмирал обязательно приезжает на корабль и, как только он приедет, флаг-капитан обещал немедленно дать мне знать, а в случае каких-либо надобностей, чтобы я обращался к нему.

На меня очень неприятное впечатление оставил такой деревенски-дачный образ жизни у самого рубежа военных действий, почему я и не стал посвящать флаг-капитана во все подробности своих секретных предписаний и директив, полученных от Морского Министра и поблагодарил его за предложение моторного катера, указав, что в случае нужды я имею прекрасный быстроходный катер, но что покидать свое судно на столь продолжительный срок не считаю для себя возможным, почему лишаю себя удовольствия сделать визит и представиться тотчас же адмиралу в Измаиллии, а буду ждать случая видеть его на палубе своего корабля, стоящего в порту, тем более, что обстоятельства моего плавания задержат мой корабль в Порт-Саиде на неопределенное время. Мой скрытый, но вежливый сарказм,

как мне показалось, был понят англичанином, с которым у меня так и не сложилось за все время.

Приняв визит нашего консула А. Н. де Ниссен, совместно с ним, я сделал надлежащие визиты всем военно-административным лицам порта и города, обменялся визитами с командным составом находящихся здесь военных кораблей и, после минимального отдыха команды, выпустив из корабля набранный пыл Красного моря, приступил к необходимому ремонту и переборке механизмов.

Наше, со старшим артиллерийским офицером главное беспокойство на счет температуры погребов с японским порохом начало проходить, так как температура в наиболее жарких помещениях не поднималась выше +38° Цельсия, а, затем, пошла на убыль и мы успокоились за целостность японского пороха, согласно данной нам инструкции не допускать повышения ее выше +40° Цельсия. Значительный океанский переход расшатал старенькие механизмы «Пересвета», а многие лопнувшие элементы бельвильевских котлов требовали замены из имеемого у нас хорошего запаса. Обсудив в механической комиссии все необходимые работы по приведению механизмов в полную исправность перед предстоящим большим плаванием в ответственной обстановке, выяснили, что на все потребуется не менее 20 дней, о чем я и донес Министру.

Условия жизни в Порт-Саиде были довольно строгие. Полное вечернее затемнение окон в домах и всяких уличных огней, требуемое неукоснительно под угрозой денежного штрафа, погружали город и порт с захода солнца до рассвета в угнетающую темноту, бары и немногочисленные места общественного развлечения функционировали лишь до 9-ти часов вечера, а с 11-ти город погружался в тишину и ночной покой, чтобы, с рассветом, вновь оживиться своей арабской суетой.

Обычного в мирное время, бесконечного движения пароходов через этот мировой проезжий пункт не наблюдалось и лишь, изредка проходящие почтовые пароходы, вносили оживление в монотонность жизни.

Русскую немногочисленную колонию представляла семья нашего консула и агента Добровольного флота генерал-майора флота В. Н. Китаева, где главным образом и сосредоточивалась береговая жизнь наших офицеров. Кроме того, в Порт-Саиде находился агент пароходства Р.О.П. и Т. господин Пахомов, тип очень небольшого удельного веса, и еще каких-то двое русских; темные типы, избравшие себе знакомство с кондукторами и нижними чинами, спускаемыми на берег.

Хозяйственным поставщиком провизии и матерьялов был неизменный «друг русских» —

араб Мустафа-Терра, получивший прозвище «Мустафа-Молодец», еще со временем плаваний в Средиземном море нашей практической эскадры Балтийского моря под флагом адмирала Бирюлева, при которой этот Мустафа был яличником со своей шлюпкой; ныне же он обзавелся в Порт-Саиде торговой конторой, массой шлюпок, обслуживающих пароходы при проходе каналом и имел небольшой пароходик для перевозки рабочих арабов с одного на другой берег канала.

Для судна услуги этого всезнающего и всемогущего араба были неоценимы, а его преданность Русскому флоту вполне искрена, но ныне он потерял уже кличку «Мустафа-Молодец», превратившись в «Мустафа-Ефенди».

Судовые работы шли нормально и полным ходом.

На 5-ый день после нашего прихода в Порт-Саид, ко мне был прислан офицер с английского крейсера с докладом, что из Измаилии прибыл адмирал и я могу ему явиться. Зававши с собой секретную переписку Министра с предписаниями, я отправился на флагманский корабль.

Адмирал принял меня любезно, пожаловавшись, как бы в свое оправдание, на тяжелую жару Порт-Саидского климата, вследствие которой он принужден жить в Измаилии, и внимательно выслушал мой доклад с имеемой у меня секретной перепиской Морского Министра, на которой я позволяю себе остановиться более подробно, вновь повторив ее, так как в начале моего рассказа я упомянул о ней вскользь.

Эта секретная инструкция — предписание, врученное мне Министром перед отправлением из С. Петербурга, состояло из двух частей:

В первой части, мне предписывалось, немедленно отправиться к месту назначения, принять меры к снятию «Пересвета», наивозможно скорейшему приведению в порядок всех повреждений, причиненных аварией и незамедлительно выйти в море, в догонку ушедшего отряда особого Назначения, в составе «Варяга» и «Чесмы». Как известно из моего рассказа, добавочными предписаниями я был отослан для ремонта в Японию, так как аварийные повреждения были настолько значительны, что справиться с ними средствами Владивостокского порта не представлялось возможным и, при беспрерывной срочной работе, ремонт корабля и приведение его в готовность к выходу в море значительно превысили желательные сроки спешности похода, и лишили меня возможности нагнать, ушедший более двух месяцев раньше, отряд.

Вторая часть инструкции указывала мне, что во все мое плавание я буду находиться под протекторатом английского командования, к

каковому и должен относиться, как к своему начальству, обращаясь к нему по всем необходимым вопросам снабжения, провизии и имеющимся быть починок. По приходе в Коломбо, мне будет выслана новая инструкция о дальнейшем плавании, в зависимости от общей обстановки на театре военных действий.

Там же, мной было получено предписание идти далее маршрутом через Суэцкий канал, Средиземное море, в английский порт Гринок, по прибытии туда, я получу дальнейшие указания; по приходе же в Порт-Саид, явившись адмиралу английского командования, ознакомив его с дальнейшим маршрутом и получив от него соответствующие указания и эскорт, для охраны от подводных лодок, ити в Атлантический океан для следования в Гринок. Адмирал спросил меня лишь, входит ли в мою задачу оставаться в Средиземном море, или я должен его покинуть, и на утвердительное последнее положение, сказал мне, что ко времени моей готовности он постарается дать конвоя для сопровождения меня до Мальты, куда я должен буду зайти для получения дальнего эскорта более подробного и точного освещения обстановки в Средиземном море, так как он лично, сейчас, не в курсе дела всех событий, ибо главное морское командование в Средиземном море принадлежит уже французам. (Быть может поэтому он и предпочитал жить на даче в Измаилли) Далее, адмирал сказал мне, чтобы я доложил ему, когда окончательно выяснится моя готовность к выходу и, указывая на флаг-капитана, сказал, что тот ознакомит меня с общей картиной того, что делается в Средиземном море и пожелал мне всего хорошего.

Из информации флаг-капитана, я был ознакомлен лишь с тем путем, которым рекомендовалось движение по Средиземному морю до Мальты, а также он указал на то, что никаких минных заграждений около Порт-Саида больше нет, так как они вытравлены. Рекомендованный путь был довольно оригинален: суда, выходящие из Порт-Саида, следовали по прямому курсу до Крита, огибая который с севера, спускались на параллель, по которой следовали на W и, вновь поднявшись к северу, шли на Мальту. На мой вопрос, через сколько же времени меняются эти маршруты, ибо они должны очень быстро делаться известными неприятельским лодкам, он ответил, что этот курс работает без перемены уже много времени и что менять его представляется весьма сложным в техническом отношении. Охрана этой, так сказать, проезжей дороги поставлена очень хорошо и передельвать ее представляется весьма трудным: из Порт-Саида и с Мальты все время вдоль этого курса крейсируют парами дозорные суда-тральщики, в очень большом ко-

личестве, и при первом же обнаружении присутствия подводной лодки они ведут обстрел ее и по радио сообщают широту и долготу места обнаружения лодки; в случае же удачного нападения подводной лодки на свою жертву, по получению сигнала S.O.S. от гибнущего парохода, близ находящиеся траллеры, в короткий срок, имеют возможность сосредоточиться у места катастрофы и подобрать гибнущий экипаж.

Не берусь разбирать целесообразность такой меры, но могу подтвердить то, что действительно число гибнущих жертв, при потоплении лодками пароходов, было не так значительно и траллеры часто появлялись на Порт-Саидском горизонте, а сами лодки с опаской приближались к этой проезжей дороге Средиземного моря.

С значительно более полной картиной района меня, частным порядком, ознакомил командир французского броненосца кап. I ранга Бенуа д'Ази, с которым, как я сказал выше, у меня сложились самые дружественные отношения. Он предоставил в мое распоряжение для ознакомления генеральную карту Средиземного моря, на которой красными чернилами были нанесены места с обозначением дат обнаруженных появлений неприятельских подводных лодок. Эта картина представляла действительный интерес; наш старший штурман даже встретил значительное затруднение для снятия копии на свою карту, так как у нас не имелось генеральной карты достаточного масштаба и нанесенные красные точки с датами из-за своей густоты сливались буквально в сплошную красную линию, в которой трудно было разобраться; этот кровавый путь сгущался главным образом около рекомендованных курсов. От агента Добровольного флота я получил интересные сведения, касающиеся моих личных дел. Еще до объявления войны в 1914 году, получив служебный перевод с Дальнего Востока в Балтийский флот, я отправил из Владивостока в Одессу на пароходе Добровольного флота «Екатеринослав» все свое личное имущество, оставил при себе легкий семейный багаж, могущий быть взятым с собой в купе поезда. «Екатеринослав», благополучно дойдя до Порт-Саида, должен был следовать в Одессу, но в этот момент Турция объявила войну и пароход был задержан в порту. Англичане направили его в Александрию, где он был разгружен и мобилизован англичанами для военных нужд. Груз свезли в таможню. Вместе с остальным оказалось и все мое имущество. Будучи еще в С. Петербурге, я был вызван в главное агентство Добровольного флота, где мне сказали, что все выгруженное с «Екатеринослава» подлежит продаже с аукционного торга. Я резко протестовал против такого рас-

поражения Добровольного флота в отношении моих личных вещей, представляющих во-первых все мое имущество и богатство, нажитое трудовой жизнью, а главным образом указал на недопустимость такого действия вследствие того, что среди моих вещей находится большая библиотека из специальных научных книг по артиллерии, минному и подводному делу, среди которых были и секретные специальные книги, которых никоим образом нельзя было выпускать на рынок, почему я категорически потребовал, чтобы мои вещи оставались неприкосновенными до той поры, пока их не представится возможным получить на руки. После предупреждения конторы Добровольного флота о том, что, если не будет сделано такого распоряжения, я принужден буду доложить обстоятельства дела Морскому Министру, таковое телеграфное распоряжение агентства было сделано и мои вещи не были проданы в Александрии. Вот об этих-то вещах я и получил сведения от местного агента Добровольного флота, с помощью которого, после больших хлопот и значительных издержек, мне удалось погрузить все свои вещи на «Пересвет», за три дня до нашего ухода. Все они так и погибли с «Пересветом».

Приведение в порядок механизмов подходило к концу и день выхода в море был намечен, но оставался в полном секрете ото всех.

Здесь, уместно будет вспомнить еще о следующем случае.

При передаче «Пересвета» японцами, он отвратительно был снабжен спасательными средствами; часть коечных матрасов была из сбившейся, превратившейся в труху «капки», другая, видимо выданная из порта, была нашего образца с мелкой пробкой, но тоже находящейся в отвратительном состоянии; из положенных же спасательных нагрудников — было не более двух десятков. По приходе в Порт-Саид, нашим консулом были переданы на корабли какие-то таинственные ящики, оставленные для передачи нам прошедшими ранее Отрядом Особого Назначения. По вскрытии ящиков, в них оказались спасательные резиновые двух-баллонные автоматические пояса, пригодные скорее для прелестных купальщиц пляжей и спортсменок озер. Автоматичность их состояла в том, что каждый пояс вооружался двумя порошками двууглекислой соды и виннокаменной кислоты (столь излюбленного средства страдающих катарром желудка), когда человек, с одетым на себя таким поясом, попадает в воду, укупорка порошков тотчас же размокает и смешавшиеся порошки дают реакцию выделения газа, наполняющего и раздувающего баллоны. Инструкция обращения и снаряжения поясов была при каждом ящике, но, по ознакомлению с ними, как я уже выше указал,

— они оказались хрупкими нежными детскими игрушками, не внушившие к себе никакого доверия. — Я поручил заняться этим делом нескольким офицерам; такие пояса были разданы команде, более для морального спокойствия; к получению же надлежащего количества положенных пробковых поясов установленного образца, я принял энергичные меры, которые и привели к тому, что, после многих хлопот, из местного английского управления порта мне были выданы по числу команды заимообразно таковые пояса с распиской от меня, что после прибытия в Англию таковые будут возвращены.

Воспользовавшись очередным приездом адмирала, я вновь явился к нему с докладом и для получения директив. Адмирал, выслушав доклад о готовности к выходу в море, выразил мне свое глубокое сожаление, что в его распоряжении в настоящий момент нет ни одного миноносца или другого специального судна, могущего быть командированным для моего эскортирования, почему он желает мне счастливого плавания, но все же рекомендует следовать не прямым путем на Гибралтар, а с заходом на Мальту, где я получу более свежее освещение положения в море, а может быть на Мальте мне будет дан, сопровождающий дальше, конвоир. Распрощавшись с добрым союзником, я тотчас же телеграфировал, о положении дела, Морскому Министру, от которого получил ответ, гласящий, что, если англичане не могут дать эскорта, то «следовать самостоятельно, принимая меры от подводных лодок?..

А о них действительно было время призадуматься, подводная работа неприятельских лодок к этому времени приняла довольно интенсивный характер; после охоты и нападений на коммерческие пароходы, лодки начали активную работу против военных кораблей. В довольно короткое время был потоплен французский броненосец «Сюффрен», вышедший из Лиссабона и погибший со всем своим экипажем, был взорван какой-то английский крейсер в Греческом архипелаге; потом, при довольно оригинальной обстановке, уничтожен новый английский авиа-крейсер, посланный на Сирийский фронт. Этот крейсер, обладавший хорошим ходом, шел полным ходом по назначению, когда в море была обнаружена шлюпка, видимо со спасающимся с потопленного парохода экипажем и, когда англичанин приблизился к ней и остановился для оказания помощи, его атаковала и потопила, дожидавшаяся здесь же, подводная лодка, инсценировавшая всю эту комедию, со спасающимся экипажем.

Какие же меры могли быть приняты нами от подводных лодок? Вопрос этот уже давно нас заботил и мы готовились к нему еще во время океанского перехода. Максимальный

наш ход в 14 узлов не давал шансов защиты против них; из мер предохраняющих от атаки, нами на практике, было изучено движение зигзагообразными курсами, искажен имеемый та-
келаж на корабле спуском и уборкой грат-стеньги, но все же единственная защита оставалась в нашей артиллерией. Была выработана постоянная установка орудий круговым обстрелом с различными радиусами на дальность, позволяющая обстреливать при залпе кругом корабля с известной шириной поражаемого пространства, такая установка расчитывалась на неожиданную атаку подводной лодки, когда она обнаружена еще не достаточно ясно для перевода на нее дисциплинированного огня. Такая тревога производилась по свистку судовой сирены, после коего немедленно открывался огонь из всех орудий, кроме башенных. Вот и все наши меры против лодок, коими мы могли располагать. Никаких технических приспособлений для устройства дымовых завес мы не имели. Кроме того была сформирована особая партия наблюдателей из отобранный команды с отличным зрением, которая должна была нести вахту, держа наблюдательные посты во многих удобных для этого местах корабля, имея под своим наблюдением круговой район по всему горизонту. Орудийная прислуга должна была нести службу на две вахты у постоянно заряженных орудий. В поощрение наблюдателям мной была обещана личная награда в 1.000 рублей тому, кто первый обнаружит подводную лодшу.

Вот и все меры, коими мы могли располагать против единственного опасного на нашем пути врага — подводных лодок. Принимая во внимание, что, если бы был назначен предварительно срок моего выхода в море, он бы не остался секретным от берега, я отдал распоряжение закончить расчеты с берегом и когда таковые были закончены, прекратить всякое с ним сообщение и только через сутки отдал приказание разводить пары, так что никто на корабле не знал точного времени, когда я предполагал сняться с якоря. Свой выход из Порт Саида я предполагал сделать 20 декабря, к заходу солнца, не ставя об этом в известность даже адмирала.

20-го декабря за мной был прислан английский флаг-офицер с приглашением к адмиралу. Воспользовавшись присланным катером, так как все наши гребные суда были подняты уже сутки, я отправился на флагманский корабль. Адмирал встретил меня довольно оживленно и радостно сообщил, что на завтра 21-го

декабря он ожидает из Александрии прихода специального авизо, крейсера «Нижелла» из разряда судов специально построенных для борьбы с подводными лодками, каковой он может дать мне для проводки и конвоирования на Мальту. Ввиду того, что условия совпадали с первоначальной инструкцией Морского Министерства, пришлося принять их к руководству и я дал свое согласие.

В море дул сильный NW, перешедший в штурм. 21-го декабря утром, действительно, с моря пришел обещанный вспомогательный крейсер и командир его — лейтенант английского флота, по приказанию адмирала, явился ко мне для переговоров. Он доложил, что в море слишком свежо, что не даст ему возможности держаться со мной, а кроме того он хотел бы дать некоторый отдых команде, сильно переутомленной из-за погоды и сделанного перехода, почему просил, если это для меня безразлично, отложить поход на следующий день и, в случае моего согласия, обещал сейчас доложить адмиралу результаты наших переговоров. Я дал свое согласие, считая приведенные резоны основательными. 22-го декабря по приглашению адмирала утром, совместно с командиром «Нижелла» мы прибыли к адмиралу, где нам была дана карта с прочерченными в штабе на ней курсами, которыми мы должны были следовать, и адмирал предоставил нам самим говориться об условиях и времени похода.

Перед возвращением на корабль, я просил переснять мне на карту положенные курсы и говорился с командиром конвоира о некоторых деталях, которые выразились в следующем: англичанин давал мне своего сигнальщика для облегчения переговоров с ним по семафору; выходить из порта мы условились на 3 часа пополудни, чтобы подойти, как он выражался, к опасному месту возможной атаки подводных лодок к темноте; после выхода из канала за четвертую пару входных буев, перейти на курсы «зигзагами», обещанный ему ход мой не превышал 14-ти узлов; кроме того я поставил его в известность, что в случае тревоги мной будет открыт круговой огонь артиллерии, который не должен смутить его, так как по направлению своего форзеля, конечно, не будет дано выстрелов. На этом мы с ним расстались, заручившись его обещанием — вместе с сигнальщиком прислать и лоцмана для выхода из порта.

(Окончание следует)

К. Иванов-Тринадцатый

От Самары до Марселя

(Окончание)

4. «Сонтай».

Наконец 28. 2. 1916 мы докатились до Дайрена. С какой радостью мы покинули неуютный японский поезд, чтобы погрузиться на ожидавший нас 12.000-тонный «Сонтай» (он был потоплен весной 1917 г. в Средиземном море, откуда его вытянули только в 1958-59 году). На, покрытой уже тающим снегом, площади выстроился наш эшелон. Я был буквально засыпан приказами командира полка, бегая то от него к командиру транспорта, то наоборот с ответами относительно погрузки, отбывая настоящую конференцию с очень симпатичным командиром корабля и со старшим офицером. Здесь мое знакомство с французским языком очень пригодилось, подняв мою ценность в глазах моих начальников.

Страшно было холодно в каютах транспорта, приспособленного к плаванию под тропиками. Но не только каждый день, но каждый час приносил большую перемену — становилось все теплее и теплее. Прошли бурное и неприветливое Желтое море, полный трагических воспоминаний Цусимский пролив и на четвертый день мы докатились до весны, которая, в свою очередь, превратилась в знойное лето — мы приближались к Сингапуру.

Тем временем гигантскими шагами шло вперед сближение с офицерами корабля. Шампанское лилось рекой за каждым обедом.

Корабль шел вдоль Суматры и так близко от берегов, что можно было видеть отдельные деревья девственных лесов, откуда теплый и влажный ветер приносил нам волнующие запахи незнакомых цветов. Мы подходим к Сингапуру. Порт еще далеко; в десяти или больше километрах, но воздух уже переполнен странным ароматом экзотических духов. Жарко. Пот покрывает тело и течет струями. Какая мощная зелень! На берегу слоны грузят тяжелые бревна на железнодорожные платформы. Делают это медленно, медленно, так уверенно, как люди. В тени сидит надсмотрщик и покрывает время от времени на слонов. Наши солдаты смотрят, не отрывая глаз от этой сцены. Начинаются официальные визиты: чиновники портового управления, консул — русский и бельгийский с молодой женой, бледной как мел. Узнаю, в какой степени вреден тропический климат европейским женщинам — они становятся анемичными через два или три года

пребывания под экватором; говорится о том, что жить «по европейски» стоит страшно дорого, что картофель — это дорогой «экзотический плод» и т. д. Командир полка поехал с визитом к командиру Тихоокеанской эскадры, приказавши мне написать приказ о прибытии эшелона ко дню 9. 3. 1916 г. в Сингапур — десять, не больше строк. Мне нужно было два часа, чтобы выполнить эту работу: влажная жара принуждала меня бросать перо и поднимать руки, чтобы их высушить.

Но еще более суровое испытание ожидало всех нас: прохождение церемониальным маршем перед командующим английскими войсками.

На другой день по приходе в Сингапур, наш эшелон, празднично одетый, прошел по улицам города, где сапоги просто вдавливались в мягкий от жары асфальт, чтобы занять исходный пункт. Хотя это был утренний час, жара становилась невыносимой. Как я узнал, позже, было свыше 60 градусов. Стоя за командиром в 20 шагах, я оглянулся на солдат во взводных колоннах: красные, они имели вид совершенно больной. В это время англичане в «шортах» и в рубашках «Лякост», казалось, вызывающее смотрели на нас. Под звуки марша — сочинение нашего «капельдудки», напоминавшего не то польку, не то просто балаганную музыку (к счастью замененного на «Самбр э - Мез» по прибытии во Францию), наши два батальона двинулись за командиром полка. Салютуя саблей, я делал все усилия, чтобы не свалиться вслед за ней. Все прошло без инцидентов. Вечером все офицеры были приняты на торжественном обеде в «Рояль-Отель». Приехав на «рикше», я в первый раз столкнулся, говоря современным языком, с «колониальными» обычаями. Я расплачивался со стариком «рикшей», которого один вид вызывал жалость. Делал это медленно, разбирайсь с трудом в «рупиях». Повидимому это не понравилось туземному полицейскому, который, проговорив два или три слова, начал бить «рикшу» бамбуковой палкой по ногам. Это меня так возмутило, что я выхватил шашку и ринулся к блюстителю порядка, который стремительно отскочил, оставивши меня со стариком. Тот долго меня благодарили, мешая английский язык с туземным.

Белый зал. Все (кроме нас) в белом. Тишина, как в храме. Между тем все столы заня-

ты — мужчины в смокингах, дамы сильно декольтированы на спине. Это местное общество, выполняющее вечерний ритуал — в молчании пьющее шампанское и другие напитки. Ужин начался под звуки «Осенней песни» Чайковского, очень хорошо исполненной туземным оркестром, что нас растрогало.

Вечером командир полка, в сопровождении наших штаб-офицеров и меня, следовавшего за ним как тень, отправился искать развлечений. Согласно совету шофера «такси», мы отправились в самый шикарный «дом» — «Русский Дом», как назвал его наш чичероне. Он находился там, где находились и другие публичные дома — китайские, японские и т. п., все похожие один на другой: двухэтажные, по три окна. Внизу ярко освещенные двери оставались открыты. Там кипела ночная жизнь. Посредине улицы были расставлены столы и здесь же жарили или варили невиданные нами блюда, преимущественно китайцы. Толпы матросов всех национальностей толпились перед столами, входили и выходили из домов.

Наш автомобиль, пробивши с трудом себе дорогу, остановился перед одним из таких домов. Мы чинно вошли, соблюдая старшинство, и нас приветствовал женский голос с отчетливым одесским произношением: «Так да, русские офицеры...» К нам вышли три дамы в черных платьях, начался чопорный прием, который длился с дамами в течении двух часов этой встречи соотечественников в далеком Сингапуре и мы расстались друзьями.

Мы ожидаем русских миноносцев, которые будут нас конвоировать, так как ходят слухи, что немцы делают все возможное, чтобы нас потопить. Подумать только — 2.500 человек! Было бы чем похвастаться.

Миноносцы пришли и ожидают нас при выходе из порта. Каким утлым суденышком показался мне миноносец, куда я был приглашен мичманом моих лет. Он имел слугу, негритенка лет 12-13, умного, прекрасно говорившего по русски. «Если вам хочется купить такого же мальчугана, это не стоит дорого — 200 рупий, то вы делаете у нотариуса «акт освобождения». Так легко найти семью, где много детей — они охотно вам уступят...» Отговорил меня от этого проекта старший въач Вырубов. Он сказал: «Что ты хочешь? Чтобы мальчуган сделался чехоточным в Европе?» Этот аргумент подействовал, хотя у меня были огромные деньги: в Сингапуре казначей выдал мне на «покупку верховой лошади» 1.500 франков в золоте.

Снова «Сонтэй» идет вперед, а миноносцы, подобно дельфинам, бегут то впереди, то зигзагами, то ускоряя ход, исчезая в волнах с мачтами, устремляются куда-то направо и нале-

во... Вот один из них остановился перед китайским пароходом. Быть может «переодетый немец»? Нет, это обыкновенный каботажный пароход. Эволюции миноносцев и игра дельфинов были нашим постоянным развлечением. Под вечер приходили вести из Франции. Их приносил наш «радио». Началась, все разгоряясь, битва под Верденом.

Теперь наладилось наше существование. Приказом по полку строевые занятия начинались с рассветом, то есть в 6 часов утра до 8 часов. Дальше жара не позволяла даже проделать «одиночную выправку» или словесность. Кроме того проделывалось еще одно упражнение: одеть быстро спасательный пояс.

Переход от Сингапура до Никобар ознаменовался следующим происшествием: наши солдаты не могли простить поварам — анамитам, что, по убою скота, выбрасывался жир за борт. После нескольких просьб командир полка разрешил нашим поварам приготовить обед по их способу. Анамиты, как всегда, наблюдая за работой, скалили зубы. Весь корабль был наполнен запахом щей, но результат был совершенно неожиданный: на 2.5000 человек заболело 700. У батальонного врача Фрида нехватило кастрюль для больных, выстроившихся взводами перед отхожими местами. На второй день, смеясь, не скрывая своего торжества, анамиты снова водворились при кухнях и снова полетели в море куски жира на радость акулам.

Никабары, 14 марта 1916 г.

Не помню отчетливо почему, но в ожидании каких то приказов из Сингапура, наша маленькая эскадра приотилась в уютной бухте Никобарских островов, лежавших на половине дороги до Коломбо, вдали от «большой дороги» кораблей. Понятно, что молодежь, а с ней «Батя» съехала на берег. Узкая тропинка вела в селение местных жителей — малайцев, которых хижины находились высоко над землей, на высоких столбах. Здесь, как нигде, мне бросилась в глаза мощность английского языка. Жители острова продавали кокосовые орехи, за которыми приходил два раза в год какой то пароход. И они, встречая англичан два раза в год, говорили по английскому. Мыостояли три дня, ожидая инструкций от адмиралтейства. Все время шли приемы, мы принимали русских моряков, моряки нас, а потом французские моряки русских и так без конца.

Рано утром, на рассвете, мы тронулись в дорогу, идя к Цейлону. Снова в течении пяти дней мы слушаем музыку рассекаемой волны, смотрим то на дельфинов, то на миноносцы, то на фонтаны волны, выбрасываемые далеким кашалотом: то наше внимание приковано военным кораблем, посылающим привет. Машины

глухо стучат где-то в глубине судна, не заглушая музыки волн. Наверное эта музыка опьяняла конквистадоров, о которых поет Хозе — Мария Эрдия. Они шли все вперед и вперед...

Последняя ночь. Океан разбушевался. Черные горячие волны заливают палубу судна. Молния прорезывает черное небо и к волнам присоединяется проливной дождь. Но никто не хочет покинуть папубу. Этот душ так приятен, «Сонтай» так солиден...

К утру все успокоилось. Мы у входа в порт Коломбо. Против нас находится огромный австралийский транспорт, переполненный солдатами в «хаки». Они что-то кричат, машут руками, на что наши солдаты отвечают криками, вымахивая руками с таким же рвением.

Коломбо, 19 марта 1916 г.

Какой феерический город! Запах цветов смешивается с запахом раскаленного асфальта, но дышится легче, чем в Сингапуре. В банках, в разных управлениях, куда меня загоняли служебные обязанности, та же атмосфера как и в Сингапуре: над головами чиновников вертятся без конца вентиляторы, на столах огромные куски льда в металлических сосудах и напитки... Наши солдаты совершают прогулку главными улицами города, привлекая массы любопытных и возбуждая всеобщий интерес. Наша попытка проникнуть в храм, откуда неслось пение и ароматный дым, окончилась поражением — нас прогнал жрец в ритуальном костюме с вымазанным белой краской лицом.

На второй день мне удается провести несколько часов на пляже. Самое модное место, центр светской жизни Коломбо. Сквозь ряды кокосовых пальм видны регулярно набегающие валы вспененных волн океана, такие синие с гребнем пенры. С каким волнением я смотрел на этот-же пляж, эти волны сорок лет позже, глядя фильм «Pont de la Rivière Kwaï». Это было настоящее путешествие в прошлое.

Вечером командир полка увлек меня в прогулку по городу. Уже было совершенно темно, когда мы очутились на огромной черной площади заросшей травой. Впереди светился далекий переносной бар. Вдруг командир с криком начал падать; я успел схватить его за шашку. Предмет, о который он споткнулся, был мертвейки пьяный австралийский солдат. За ним лежал другой, третий и так без конца. Целая площадь была покрыта телами этих, очень красивых, солдат, которыми мы любовались днем. Много усилий нам стоило достигнуть бара — маяка. Буквально каждый шаг сопровождался исследованием пространства перед нами.

Снова «Сантэй» с монотонным шумом расекает волны океана. Мы направляемся в Джи-

бути, куда приываем 30. 4. 16. По дороге два солдата умерли от скоротечной чехотки. Это были первые похороны в нашей части.

Подходим к Джибути. Три цвета исчерпывают красочную гамму этой части Африки: синий — небо и вода, красный — горы и желтый, переходящий в белый — песок.

Джибути с палубы корабля — иллюстрация из «Тысячи и одной ночи», вблизи — вонючая клоака. Улицы усыпаны гниющими остатками, кожей бананов и т. п. Полно магазинов, так называемых «базаров», наполненных невероятно худыми и высокими сомали. Целые кварталы их хижин из серой глины — публичные дома, из которых выбегают женщины шоколадного или черного цвета, и буквально стягивают вас с коляски. Мой сотоварищ, племянник губернатора, дает звонкую пощечину красивой арабке, которая тянула меня за руки. Странно, но этот жест произвел на меня тягостное впечатление.

Обед у русского консула — либанского грека. Боже мой, как трудно было есть, пить, а главное — быть «светским человеком» — командир полка поручил мне занимать дочерей консула. Две, довольно безцветные девушки. Среди гостей самым интересным был абисинец, бывший посол негуса в С. Петербурге. Это был старик с белой окладистой бородой на фоне шоколадного цвета, с удивительно молодой улыбкой. Он на ломанном русском языке рассказывал о жизни Царского двора прошлого царствования.

Прощай Джибути, своего рода «Кайнск», но раскаленный до бела, со своими странными полицейскими в юбках, делающими предложение очень специального рода, так возмущившие нашего милого хохла капитана Юрьев-Пековца, избившего одного из таких «блестителей порядка».

**

Не знаю, но думаю, что нет на свете более жаркого моря, чем Красное. Настоящая плавильная печь. Даже белый персонал машинного отделения не мог регулярно исполнять свою службу при температуре 70 или 80 градусов. Они были заменены арабами. Инженеры или старшие механики спускались к машинам на час или полтора. Семь дней этого перехода были очень мучительны для всех нас. Еда не шла в горло. Пить и пить... Суэцкий канал нам показался раем. На озере «Измаил», где стоял гигант-транспорт «Виль де Пари», мыостояли три дня — ожидалось наступление турок на канал. Спрашивается, какую помощь могли мы оказать, не имея ружей? Наконец, еще три дня. Мы прошли, просто шагом, канал. Справа

пустыня, белая от солнца, слева та-же пустыня с редкими деревьями вдоль железнодорожного полотна, по которому бегут, так не похожие на наши, паровозы и вагоны.

Поздно ночью (7. 4. 16) мы стали на якорь в Порт-Саиде. Мало кто из нас съезжал на берег за папиросами.

Утром наш «Сонтэй» боролся с разбушевавшимся морем. Было свежо, даже холодно — + 27 градусов. Я с удовольствием натянул китель. Впереди нас бежали три французских миноносца. Теперь это было не шуточное дело — мы находились в сфере военных действий. Средиземное море было переполнено подводными лодками и мы могли ожидать атаку каждое мгновение. В течении одного дня бывало две или три тревоги и приказания надеть спасательные пояса. Ночью один из миноносцев шел непосредственно перед нами, «разговаривая» все время огненными сигналами с остальными, которые без устали бегали во всех направлениях как гончие собаки. Раз, в полдень, был замечен далекий перископ. К нему понесся один из наших сторожей и перископ исчез в волнах. Мы оставили далеко к северу обычную дорогу кораблей.

Под вечер четвертого дня мы прошли совсем близко около Мальты, которая, окруженная пенистыми волнами, была похожа на театральную декорацию, а не настоящий остров. Здесь к нам присоединился английский купец — небольшое судно в три или четыре тысячи тонн.

5. Марсель.

Сияющим утром мы вошли в «Vieux Port» Марселя. Нас встречает во всем своем великолепии провансальская весна, самая прекрасная, какую я видел в жизни. Мне кажется, что ни где и никогда я не видел столько цветов и столько ослепительно красивых женщин, как этим утром в Марселе.

Весь наш эшелон был направлен в лагерь «Мира́бо», где нас встретили товариши 3-го батальона. Сколько рассказов, какая масса новых впечатлений. Для меня это тоже было отрадное время. Масса инструкций — страшно, чтобы не перепутать. А к тому же один наш поход по улицам города был опьяняющим триумфальным шествием. Было отчего потерять голову. В лагере полно гостей, пришедших по рекомендации, или просто так. Наши солдаты, красные от марша, жары, покрытые цветами, были похожи на именинников. Я иду с «капельтудкой» закупить музыкальные инструменты для полкового оркестра. Стоило это 35 000 франков (в золоте). В это время наш офицерский состав с «Батей» во главе прова-

лился куда-то. Это будет мне дорого стоить — 7 дней ареста с исполнением служебных обязанностей. Завтра смотр. Таково распоряжение Командующего Военным Округом. Выступление из лагеря в 8 часов утра. Это было мне сказано мимоходом командиром полка, который, в свою очередь, улетучился.

Я проснулся от страшного стука в двери моей комнаты в отеле, отведенном нам Командующим Округом. В белье, ничего не понимая, я отворил дверь. Там взбешенный командир полка, в обществе подполк. Иванова, барабанил кулаками в мою дверь. «Собирайте офицеров и отправляйтесь с ними в лагерь»... И исчез. Едва одетый я бросился будить, в свою очередь, барабаня во все двери — мы занимали почти весь этаж гостиницы. Никого, или почти никого. Но все-же мне удалось собрать почти всех. Двое было пропавших.

В лагере я нашел полк уже построенным. Командиры батальонов на конях. Мне подводят огромную лошадь. Влезаю на седло со страхом, так как небольшое число уроков верховой езды в военном училище не сделали из меня кавалериста. А-ну, понесет? думаю с ужасом. Какойстыд! Даже разнос командира полка не произвел на меня впечатления по сравнению с началом этой езды. К счастью, мы идем шагом, я начинаю привыкать к лошади, припоминаю теорию езды. Дальше на нас всех ссыпятся цветы. Некоторые экзальтированные женщины бросаются на меня. Мой конь остается совершенно равнодушен к проявлениям народного восторга, и я успокаиваюсь. По дороге узнаю, что капитан Якобсон, один из ротных командиров, упал с лошади и повредил коленную чашку. Он вернется в полк в конце лета, в эпоху наступления на «Сомме», с мыслью перейти в танки.

Наконец, полк на «Place de la Prefecture». Там нас ожидает Командующий Округом в черном гусарском доломане с белым крестом Почетного Легиона. Полк проходит церемониальным маршем под аплодисменты зрителей. Едва головная рота прошла, как командир полка приказывает мне соскочить с коня (что я делаю все таки с облегчением), и обежать бегом дома, чтобы стать во главе, кажется, 3-й роты, командир которой был в числе «пропавших без вести». Под крики и аплодисменты, гордо салютуя шашкой, я прохожу во главе роты прекрасно выглядевших, молодых солдат. Едва окончилось это прохождение, как полковник приказывает бежать и пройти с 7 или 8 ротой, и так до трех раз. Но когда я проходил третий раз, я отчетливо слышал замечания удивленных зрителей: «как они похожи один на другого офицеры...»

**

Мы погружены в вагоны 3-го класса, что очень понравилось солдатам. Вдоль полотна, от Марселя почти до Макона, во всю длину благоухающей долины Роны, нас встречали шпалеры населения,сыпая быстро идущий поезд цветами и приветствуя криками в честь России

и ее армии. На станциях настоящие приемы. Солдат угощают дамы из общества. Знакомства, обмен адресами, и так до ночи. Мы засыпаем, чтобы проснуться в Камп де Майи.

В. Рыхлинский

На пути в Новороссийску

В середине декабря 1919 года хорошо налаженная, шедшая полным темпом, жизнь Атаманского Военного училища остановилась совсем. Снова на севере загудела даль и над Новочеркасском начала нависать угроза приближающихся боев. Город пустел. Было очень холодно, падал снег.

Юнкера были заняты, главным образом, несением караульной службы в самых ответственных и опасных местах. Одним из таковых являлся Войсковой винный склад. Каждый день около него, с наступлением ночной темноты, появлялось все больше и больше подозрительных силуэтов. От них в любой момент можно было ожидать чего угодно.

Управляющий складом, при смене караула, раздавал сам уходящим юнкерам покрытые землей и паутиной бутылки драгоценного старого вина. «Берите, господа юнкера», приговаривал он с улыбкой: «кушайте на здоровье с родными и друзьями. Будет обидно, если такое вино зря пропадет...» И мы уносили его. Какое это было вино — наше цымлянское!

Привыкший к событиям и переживаниям последних двух лет, Новочеркасск принимал звук отдаленной канонады спокойно: и на улицах, и в домах слышалось: «...В конце концов, будет нужно — уйдем. Через месяц или два вернемся обратно. Столько уже раз уходили и, слава Богу, возвращались браголопучно!»

Но под самое Рождество положение стало серьезно: город обстреливался красными. Из -

за неизвестности ближайшего будущего, отлучки юнкерам были строжайше запрещены. Приемная училища еле вмещала родных и друзей, все еще не решавшихся проститься окончательно с юнкерами. Я больше молчал, сидя с моей бедной матерью. Ей столько пришлось уже пережить до этого. Видимо, наши мысли и настроения были одинаковы, так как мать тихо и твердо сказала: «Я пойду домой. Проводи меня до порога: хочу тебя благословить». Ей и мне дальнейшее было ясно.

Когда она крестила меня, произнося наставственные слова, рядом — на мостовой аллее Комитетской разорвались две гранаты. Мать, спокойно и не оборачиваясь, пошла по улице, а я долго смотрел ей вслед, не слыша новых разрывов снарядов.

26 декабря, по всему расположению училища, шли приготовления к выступлению в поход. Юнкера, справившиеся со своими несложными хлопотами, бродили с места на место, готовые каждую минуту, по сигналу тревоги, броситься к сборному пункту и стать в строй. Часы тянулись томительно, в полной неизвестности. После-же обеда стало совсем невмоготу. Тревоги все не было, ворота училища широко распахнуты на улицу, около них и во дворе — ни дежурных, ни часовых. Несколько моих приятелей юнкеров решило: «Сегодня мы, конечно, опять не уйдем, да и бой как-будто удалился от Новочеркасска. Можно успеть еще раз повидать своих» и, выйдя без всяких за-

труднений из училища, мы бодрым ходом ро-
зошлись по домам.

Но мое неожиданное появление дома не
принесло матери никакой радости. Напротив,
на ее лице появилась тревога и, после нескольки-
х фраз, она умоляюще сказала мне: «Лучше
уходи скорее... Христос с тобой! В городе не
осталось почти никого и теперь всюду страш-
но... А мы тут как-нибудь сами»... Мама без-
звучно заплакала.

Когда я возвращался обратно, на улицах
стояла темнота и только между домами наме-
чался просвет от восходящей луны.

Войдя во двор училища, я нашел у самых
ворот его большую толпу. Кто-то назвал мое
имя и не успел я еще приглядеться и поздоро-
ваться, как несколько голосов заторопили ме-
ня: «Спешите, только-что была тревога... Юн-
кера сейчас уходят». Из толпы поднялись ру-
ки, крестя меня. Я снял фуражку, перекре-
стил сам толпу и бросился бегом на противопо-
ложный край училища, где был расположен
мой Инженерный отдел.

Прибежал я как-раз во время: осталось
только несколько замешкавшихся юнкеров,
остальные уже стояли в строю. Мне помогли
быстро надеть походную амуницию и сейчас -
же вслед за этим появился сменивший офицер.

Беглый осмотр, несколько команд и наша
2-ая пешая сотня стала выходить на Платов-
ский проспект. Там еще быстрое перестроение
и мы тронулись в путь. Медленно проходили
силуэты провожавших нас близких, знакомые
здания, магазины, Московская улица, Алек-
сандровский сад... Позади гремели орудия и
одиночные разрывы в городе. Мы покидали
Новочеркасск «на один-два месяца» и в этом
проводившие и мы сами были непоколебимо
уверены.

Выйдя из города, юнкера пошли вольнее и
стали подниматься на противоположные холмы,
по дороге, ведущей на Аксай.

Стоял крепкий мороз. Снег лежал сухой и
довольно глубокий. Идти было трудно по кра-
ям дороги, уступая середину, все время обго-
нявшим нас, конным частям и пушкам. Непол-
ная луна стояла высоко и под ее светом остав-
ленный Новочеркасск, с наметившимися в раз-
ных местах пожарами, казался издали фанта-
стичным и зловещим.

Обгонявший меня подъесаул Артемов,
сменивший офицер артиллерийского отдела на-
шего училища, заметив, что мне очень холодно
и трудно пешком, предложил отдохнуть на его
лошади, но я побоялся еще больше замерзнуть
вепхом и мужественно отказался. Наконец. Но-
вочеркасск исчез из виду и мы оказались в от-
крытой со всех сторон степи...

**

В Ольгинской переправились по льду че-
рез Дон и пошли прямо на юг. Вскоре появи-
лись первые отставшие подводы, нагруженные
домашним скарбом или казенным имуществом.
Несколько раз глохо хлопнули в воздухе вы-
стрель: добивали выбившихся из сил или по-
калеченных лошадей. Из степи-же, справа и
слева подходили все новые и новые люди и
втягивались на дорогу. Жаль было видеть бро-
шенных женщин, иногда с детьми на руках, и
не менее тяжело было любоваться группами
чистокровных выхоленых лошадей, уводив-
шихся с Задонья донскими коннозаводчиками...
А тут еще неожиданно пришла оттепель и
степные дороги превратились в месиво грязи и
талого снега.

2-ая сотня Атаманского Военного училища
шла с остановками только на ночлеги. Наши
походные кухни мы находили не сразу, а днем
во время движения просто приходилось голо-
дать. Появились и первые насекомые.

От усталости, растертых до крови ног и не-
доедания я начал отставать на переходах. Мо-
им спутником оказался юнкер-пластун Женя
А. Он был приятным собеседником и мы пле-
лись с ним вместе по разбитой дороге. вспоми-
ная жизнь и друзей в Новочеркасске. Раздобыв
же где-нибудь, при содействии ясных голубых
глаз, нежного румянца и ангельской улыбки
Жени А. краюху хлеба, мы делились ею по-
братьски.

В одной из хат, стоявшей невдалеке от до-
роги, мы нашли статного, опрятно одетого муж-
чину, но без погон на гимнастерке. Он дал нам
напиться воды, но, увидев наши юнкерские по-
гины, усадил за стол и из своих скромных за-
пасов принял кормить нас. При прощании с
ним оказалось, что он — старый фельдфебель
Л. гв. 4-го Стрелкового Императорской Фами-
лии полка. Мы были очень тронуты его добро-
той и необыкновенной деликатностью обраще-
ния с нами.

На следующем переходе мне стало так
трудно идти, что я упросил Женя А. не оста-
навливаться из-за меня и обещал догнать его,
как только немного отдохну. Что случилось
далее, я не понял: видимо, потерял сознание
или просто крепко заснул. тут же, сбоку до-
роги, на мокрой земле. Пришел я в себя от голо-
са: «Что с вами, юнкер?» Надо мною стоял
всадник на лошади, закутанный башлыком, с
погонами подъесаула-артиллериста. И он, и я
моментально узнали друг друга: это был Воло-
дя Самсонов, наш бывший калет, прохоливший
мимо со своей батареей. Я объяснил ему, что
отстал от сотни и решил отдохнуть. «Ла ты с
ума сошел спать в луже ледяной воды». Самсо-
нов ползовал вахмистра и приказал ему поса-
дить меня на один из зарядных ящиков. Так

я добрался до ближайшей станицы, где Самсонов передал меня войсковому старшине Китайскому, тоже бывшему кадету моего корпуса. Казаки его полка потеснились за столом и сердобольно приняли: кормить. Они даже уступили мне печь, но на ней я уже нашел какую-то молоденькую сестру милосердия. Она довольно пренебрежительно оглядела меня сверху и спросила: «Зверей много?», но, видя мое смущение, сейчас же добавила: «Впрочем, это ничего. Я не боюсь. Лезьте» и повернулась к стенке.

Около Куцевки я, наконец, догнал свою сотню и присоединился к ней.

Станица была забита войсками и беженцами. Грязь на улицах стояла неимоверная. То там, то сям торчали в ней оглобли застрявших повозок, иногда целые ящики или чемоданы с оставленным добром, даже сапоги и пр. В этом тягучем болоте грязи и луж воды, поток конных и пеших людей, обозов с изможденными лошадьми медленно и безпрерывно двигался дальше к югу. Тяжелые сцены встречались теперь все время вдоль пути и проходившие старались не оборачиваться: помочь было невозможно.

**

Так юнкера добрались до станицы Павловской и тут внезапно вернулась зима с глубоким снегом и крепчайшими морозами. Кормили нас совсем скучно, денег не было, выкупаться или даже выстирать белье не представлялось никакой возможности. Моему полу-взводу особенно не повезло: хозяйка наша оказалась на редкость злющей и до крайности скупой бабой. Она отвела нам лишь одну комнату в своей избе, дала по охапке соломы на человека, чтобы не спать на холодном земляном полу, и больше ничего от нее добиться было невозможно. Даже печь она запретила топить. Другим юнкерам было лучше: они стояли в теплых хатах и кое-где казачки даже подкармливали их.

Училище приводило себя в порядок после похода из Новочеркасска. Никаких занятий, конечно, не было. Но вскоре началось несение караульной службы, главным образом на станции Сосык, где стоял поезд командующего Донской армией генерала Сидорина. 1-ая же конная сотня училища несла службу разъездов в прифронтовой зоне. В одном из них погиб юнкер Карабев. Он со всем своим выпускным классом Донского кадетского корпуса был зачислен в состав Атаманского военного училища в Павловской и попал в конную сотню. Разъезд, в котором он находился, отыскивал на фронте генерала Сидорина и в одном месте красная конница неожиданно атаковала юнкеров. Сопротивление большевикам из-за неравенства сил было бессмысленно. Юнкерский

разъезд бросился обратно, но ему надо было проскочить через мост, к которому наперерез уже неслись большевики. Юнкера сбились на мосту, но успели пройти на другую сторону, как вдруг лошадь Карабева поскользнулась в грязи и упала со всадником. Налетевшие красные зарубили Карабева почти на глазах у юнкеров.

Мою 2-ую сотню, окончательно перешедшую в конвой Командующего Донской армией, беспокоили тоже немало, высыпая ее в разных направлениях.

Вести с фронта приходили неутешительные: красные сильно нажимали повсюду. Конница генерала Павлова с трудом сдерживала их и несла большие потери обмороженными в степи.

В эти дни нас вывезли в г. Ейск, где мы встретились на смотре с Кубанским военным училищем, а потом были обласканы гостеприимством радушных жителей. Пришло нам сопровождать генерала Сидорина с его начальником штаба генералом Кельчевским и на историческое совещание генералов на станции Тихорецкой. Однако, в составе конвоя, жизнь юнкеров нисколько не изменилась к лучшему и в товарных вагонах поезда им было тек же холодно и голодно, как и раньше на походе или у нашей ведьмы-хозяйки в Павловской. Оставалась дисциплина, бодрый дух и та-же вера в то, что вскоре... фронт пойдет снова к Новочеркаску. Стало чувствоватьсь приближение настоящей весны. Моя сотня вдруг была снята с конвойной службы, быстро перегружена в другой товарный поезд и тронулась дальше на юг. На одной из остановок в степи до моего слуха докатилось по вагонам мое имя: меня требовали к начальнику училища. Являясь к нему, я заметил рядом с ним ротмистра Иркутского гусарского полка Автономова. Мне было сказано: «Ротмистр просит меня отпустить вас с поездом командующего Донской армией, который пройдет вскоре на Екатеринодар. Если вы захотите воспользоваться этим предложением, я разрешаю вам ехать вперед, а в Екатеринодаре вы присоединитесь к училищу. Оно прибудет туда на днях». Я сразу согласился и поблагодарил.

Когда подошел поезд, ротмистр Автономов передал меня сестре милосердия С., оказавшейся при штабе командующего армией. Я был очень хорошо знаком с ее семьей по Новочеркаску. Она отвела меня в соседнее купе и приказала: «Снимайте с себя решительно все и бросайте в угол. Сейчас вам принесут новое обмундирование, ваше же пойдет прямо за окно вагона. Потом вы примете ванну и мы победим вместе».

Все это было как в сказке: первая горячая ванна после Новочеркасска, свежее белье и но-

вая верхняя одежда, походный ранец набитый различными вещами и едой, большая коробка в пятьсот папирос! Какой рай! А потом рядом, в тепле и уюте купэ первого класса, прекрасный обед из вагона-ресторана и долгий разговор с хозяйкой под мягкое покачивание и стук вагона...

На следующее утро, в Екатеринодаре, я пошел в Кубанское военное училище, где должно было остановиться наше на несколько дней. Радостно было найти там Бориса Тарасевича, Либиса, Кукуша Петрова и других кадет, кончивших в одном выпуске наш корпус.

Когда подошло Атаманское военное училище, выяснилось, что у нас появилось немало больных. Их, одного за другим пришлось спешно отправлять на станцию. Это был сыпной тиф, начавший безщадно косить юнкеров. Заболел и мой большой друг Левушка Б. Его тоже надо было срочно сдать в специальный поезд, но ни повозки, ни носилок больше не было, а прикасаться к нему юнкера боялись. Левушке было очень трудно подняться, он горел в жару, но надо было принимать какое-то решение, и я уговорил его идти со мною на вокзал. Не знаю, сколько времени тащились мы, останавливаясь, выбиваясь из сил, падая вместе на тротуар, садясь отдохнуть, но до станции мы все-таки добрались. На перроне я перекрестил его, поцеловал и сдал в поезд. Я ожидал после этого, что заболею сам, но все обошлось благополучно.

**

Вскоре, Атаманское военное училище было отправлено на ст. Георге-Афипскую. Там в первый раз, на горизонте, наметились воздушные очертания предгорий Кавказа. Георге-Афипская и близайшие ее окрестности были забиты войсками и беженцами. Все время увеличивающийся поток людей непрерывно тянулся дальше, в сторону Тонельной. Говорили, что и мы будем отступать на Новороссийск.

В степи таяло, сияло солнце и на жидкой грязи только кое-где оставались островки посеревшего снега. Позади и с разных сторон глухо гудела даль от орудийного боя.

В один из этих дней мой приятель Дмитрий Донсов сказал мне: «Отец очень плох; у него наверно тиф и его должны эвакуировать дальше в поезде. У отца две лошади и он хочет доверить их в надежные руки. Одну беру я, другую же отец может отдать тебе. Если хочешь, пойдем».

Генерал Донсов был, действительно, очень болен. Он согласился передать нам своих лошадей и просил заботиться о них, как о самих себе. Мне достался прекрасный рыжий конь, Дмитрий взял игреневого. Лошади были в блестящем виде, с добрым седловкой.

Вернувшись в училище уже верхом, мы явились по начальству с просьбой о переводе нас в конную сотню.

Ее командир — есаул Кочетов, строгий и обычно резкий с юнкерами, увидев наших лошадей, сразу согласился, добавив: «Таких лошадей мне очень надо!». Вахмистр зачислил нас в 1-ый взвод, юнкера приняли нас приветливо, но один из них улыбнулся: «Ну, теперь держитесь. Достанется вам — не будете вылезать из разъездов! Наши-то лошади — настоящие одры, побитые и чесоткой и болячками, а ваши кони — прямо богатыри».

В дальнейшем, эти слова юнкера оказались пророческими. Прежний конский состав училища было трудно узнать: от безпрерывной службы, плохого корма и недостатка ухода лошади, за немногими исключениями, находились в жалком состоянии. Наши же были в теле, здоровы и опрятны. И на нас сразу посыпалась поручения.

Вскоре мы с Донсовым были назначены в разъезд войскового старшины Свешникова. Задача разъезда была нетрудная, скорее даже приятная. Она состояла в том, чтобы в ближайших аулах раздобыть фураж для сотни и доставить его в Георге-Афипскую. Юнкера перевели в брод через реку и пошли на север, имея справа полотно железной дороги.

В одном из аулов разъезду удалось сбратить немного фуражи, но еды для себя достать оказалось невозможно, даже за деньги. В грязной закопченной дымом хате старый горец, не говоривший ни слова по русски, понял мою просьбу, но с сокрушением развел руками и указал на кучу маленьких голодных ребятишек. Он отстринул протянутую ему кредитную бумажку и отломил в миске кусок мамалыги. Увы, меня от нее выгнали. Я с досадой махнул рукой и оставил еду хозяину.

Разъезд возвращался не спеша и весело, но, приблизившись к железной дороге, вдруг услышали невдалеке ружейную перестрелку. Потом сзади показался небольшой бронированный поезд. Медленно обгоняя разъезд, люди нам что-то кричали с него. Вслед за поездом, среди кустов и деревьев перелеска, показалась цепь нашей пехоты, быстро отходившей к Георге-Афипской. Красные наступали и были совсем близко. Мешкать было нельзя. Разъезд бросился к броду, перешел реку и пошел галопом к станции.

В Георге-Афипской не было уже почти никого и мы догнали сотню далеко в поле.

**

Потом мы шли дальше. Горы постепенно стали сходиться с обоих сторон. Кругом гремел бой. Вдоль насыпи и по самому полотну желез-

ной дороги текла плотная непрерывная лента людей. Это было похоже на библейский исход народов. В поле стояла та же непролазная грязь и по ней рисковали продвигаться только конные части.

Придя на ночлег в какую-то станицу, находившуюся на склоне первых холмов горной цепи, я заметил, что у меня лопнула первая подпружи седла. Это было чрезвычайно неприятно, так как сам я починить ее не умел, да и спать хотел смертельно. Я пошел доложить взводному, но тот с досадой отмахнулся: «Идите, ищите сами, кто смог-бы поправить вам подпружи. Шорников у нас осталось только два, работать больше они не хотят, да и те, наверно, на-днях перейдут к красным или сбегут к зеленым».

Шорники, в небольшой компании, играли в «очко». При моем появлении все стихли: разговор шел, видимо, о каких-то иных вещах. Почувствовав, что тут происходит нечто подозрительное, я поспешил изложить мою просьбу о починке подпружи. Один шорник сразу же категорически отказался, второй долго мямлил в нерешительности и, в конце концов, чтобы отвязаться от меня, пообещал на следующее утро придумать что-нибудь. Но этой же ночью оба они, вместе с другими игравшими в карты, ушли в горы к зеленым. Утром, в ответ на мои сетования, взводный Текутов уверял меня, что седло будет неплохо держаться и на второй подпруже. Пришлось утешиться подобным ответом и так выступить дальше.

Вдоль пути обстановка оставалась прежняя. Бои гремели еще ближе и горная лощина продолжала суживаться. Сзади подходил Дзюнгарский полк. Трубачи его играли грустный мелодичный вальс.

Есаул Кочетов, оставляя проселочную дорогу, повел сотню рысью прямо через поля. Несмотря на движение, я чувствовал, что прямо засыпаю в седле. Пришлось брать целый ряд препятствий — канав и плетней, разделявших пахотные участки. И вот на одном из плетней случилось то, чего я боялся больше всего: на прыжке я свалился на землю, хотя конь совершенно легко перемахнул через изгородь. Налетевший Кочетов разнес меня за «расхлябанность», и пр. Мне было очень обидно за несправедливость, но пришлось молча и навытяжку ныслушать короткий поток его красноречия. Добрый же конь после моего падения испугался и бросился в сторону, но вскоре сам остановился: под его животом болталось перевернувшееся седло. Виной всему оказалось злосчастная непочиненная подпружи. Огорченный и сконфуженный я кое как приладил седло и догнал сотню.

К вечеру мы добрались до станции и оттуда отошли на ночь на самую окраину станицы.

Справившись с заботами о лошади и себе самом, я устроился в углу сарая и, конечно, моментально уснул. Но отдых продолжался недолго: сквозь сон я услышал мою фамилию: «... вы назначены в разъезд... собирайтесь», объявил мне взводный.

«В какой разъезд? Я почти целую неделю в разъездах. Почему опять я?»

Старший юнкер смягчил тон: «разъезд очень серьезный. Нужны сильные лошади, а таких в сотне осталось мало. Поэтому вам придется ехать вне очереди еще один раз».

Проклиная в душе взводного и всех «ловчил», я встал и быстро привел себя в порядок. Митя Донсков ехал тоже. Обменявшись с ним общими настроениями, вернее — крепкими словами по адресу взводного, мы выехали на назначенный для сбора пункт.

Лил проливной дождь и темнота царила кромешная. Войсковой старшина Свешников, опять начальник разъезда, вскрыл пакет и прочитал юнкерам поставленную задачу. Нам было поручено возвращаться в сторону Георгии-Афипской и отыскивать вдоль пути командующего Донской армией. Глубокой ночью единственным путем следования являлось полотно железной дороги, проходившее теперь по высокой насыпи, но по нему, и в этот даже час, двигались толпы уходивших от большевиков людей. Приказание, однако, надо было выполнить и разъезд тронулся. Дойдя до станции, мы двинулись навстречу людскому потоку. Пришлось вытянуться цепочкой по одному по боковой, пешеходной тропинке.

Несмотря на постоянные окрики, шедшие люди постоянно наталкивались в темноте на лошадей разъезда. Пробивались мы медленно, с большим трудом и долго. Дождь лил с прежней силой. Масса отходивших на Новороссийск продвигалась по всей ширине полотна. Иногда по шпалам между рельс прыгали и небольшие повозки с вещами. Толпа негромко гудела от разговоров и повиновалась приказаниям и окрикам.

Сколько времени продолжалось наше продвижение вперед — трудно определить, но друг разъезд остановился совсем. В этот момент разъезд очутился на длинном железнодорожном виадуке. По строю юнкеров, пошло от головы к хвосту: «Подходит поезд с ранеными. Приказано пропустить его... Поставить лошадь крупом к рельсам. Стать самому лицом к ним и не позволять лошади оборачиваться, держа голову коня около своей груди». Юнкера спешились и стали выполнять приказание. Это оказалось чрезвычайно сложно: насыпь оканчивалась на краю пешеходной тропинки и дальше, прямо на воздухе, торчали лишь длинные шпалы с большими просветами между ними.

ми. В конце их не было ни настила, ни перил. Под ногами была пропасть и густой туман. Так как от тропинки до рельс было слишком мало расстояния, лошадь пришлось поставить немного наискосок и потом уже ввести передними ногами на шпалы.

Мой конь осторожно, нащупывая копытами опору, постепенно успокоился. Его храп дышал мне на грудь, а уши шевелились, прислушиваясь к звукам. И вот в темноте наметились два передних фонаря локомотива. Поезд очень медленно, почти с закрытыми парами, входил на виадук. Стало жутко: за спиной каждого юнкера была пустота; малейшего движения лошади могло быть достаточно, чтобы свалить его в пропасть. Нервы напряглись до крайности. Локомотив, шипя и вздыхая, проходил, почти касаясь крупов лошадей. При слабом свете фонарей было видно, как конь косил глазами назад. В руках отдавалась дрожь, пробегавшая по всему его телу... Время тянулось безконечно, пока проходили один за другими вагоны длинного санитарного поезда, но все окончилось благополучно. Поезд прошел, все оказались целы и невредимы.

Дальнейшее продвижение разъезда стало совершенно невозможным и из-за новых встречных поездов, и из-за еще большей плотности толпы на полотне. В конце концов,войсковой старшина Свешников повернул разъезд назад. Так, не выполнив задания, перед самым рассветом, мы вернулись обратно под непрекращавшимся дождем.

**

С раннего утра, загремел артиллерийский бой. К звукам его присоединились гул и грохот разрывов впереди, со стороны Тонельной. Мы продвигались вперед в кольце огня. Местность окутывал туман и низко нависшие облака.

Сотня, оставив полотно железной дороги, стала подниматься наверх. Что происходило кругом, никто из юнкеров, конечно, не понимал, но шедшие и ехавшие в том же направлении люди заметно торопились и нервничали.

Где то уже очень высоко сотня вошла в зону боя. Впрочем, боя как такового, не было, но зато в пространстве, которое пересекали юнкера, справа налево и слева направо гудели, свистели снаряды и рвались с разных сторон, отдаваясь многократным эхом в горах. Справа, на сравнительно ровном месте, наметилась мельница. Там стоял разъезд от нашего училища, наблюдавший за ходом боя и оберегавший дорогу. Пути свистели роем с этой стороны. Юнкера тронулись рысью, проходя обстреливаемый участок. Потом сотня начала вытягиваться по-одному за проводником, который повел ее в сторону по узкой тропинке.

Туман стал еще гуще. Тропинка спуска-

лась по горному отрогу прямо по скалам. Справа и слева дымилась бездна. Было приказано предоставить себя лошади и только внимательно следить за нею. Мое сердце сжалось, когда мелькнула мысль о том, что седло уже раз съехало под живот лошади. Конь осторожно шел, нащупывая ногами мокрые камни. Вдруг стало быстро светлеть и потом сразу, вдали открылось свинцовое море, слева — уходящие ввысь дикие утесы, справа — сбегающие вниз холмы. Перед нами лежал крутой склон. Еще ниже, у подножья его и дальше вдоль моря, виднелись постройки Новороссийска. На рейде вырисовывались военные корабли и пароходы. Один громадный английский броненосец, повернувшись бортом к Тонельной, стрелял. Из его орудий вылетало пламя, слышался тяжелый грохот выстрела и, набирая высоту, над нашими головами шуршели снаряды. Английские корабли прикрывали отход Белой армии и обстреливали красных, подходивших к Тонельной.

Сотня спешилась и, с лошадьми в поводу, начала спускаться напрямик, по крутому склону с Лысой Горы. Скат был очень опасный, долгий и утомительный. Лошади часто осаживали на задние ноги и так съезжали вниз до ближайшего выступа или более пологого места. Но Бог хранил всех.

В лощине сотня собралась и пошла к пристани. Там царила полная неразбериха. Юнкера спешились на молу в ожидании дальнейших приказаний. В это время кто-то сообщил, что около станции на запасных путях стоит поезд с тифозными юнкерами Атаманского военного училища. Их, вероятно, оставят здесь, мы же будем погружены на пароход и уйдем в Крым. О часе и об условиях погрузки ничего не было известно.

Было далеко за полдень. Под Тонельной бой гудел с прежним напряжением, с моря продолжали греметь английские орудия. Кругом все было серо, безотрадно и жутко. Кое-где наметились пожары. Время тянулось в бездействии и в напряженности нервов.

Когда подтвердилось, что больные юнкера не будут погружены на пароход, мне это решение показалось нелепым, безчеловечным и подлым. И мне вдруг захотелось во что бы то ни стоило повидать еще в последний раз Левушку Б., попрощаться с ним и сказать, что я, именно я сам, ни в чем не виноват перед ним. Он должен быть тоже в поезде тифозных. Недолго раздумывая, я спросил о направлении, вскочил на коня и помчался обратно к горам. На станции было безлюдно. Горели какие то склады. Я отыскал поезд с больными юнкерами и, переходя из одного вагона в другой, нашел, наконец, Левушку Б. Он с трудом приполз к двери.

Я сказал ему, что мы уходим, перекрестил, поцеловал его и, чувствуя комок в горле, бросился обратно к коню...

Когда я прискакал к морю, мне стало страшно: юнкеров на молу больше не было. На их месте стояла толпа расседланных лошадей, тихо ржавшая и тянувшаяся к воде. Я побежал к сходням парохода, уже до крайности перегруженного, но масса людей, не пропускавшая никого вперед, оттолкнула меня назад. Это была какая-то пехота, только что подошедшая с фронта и с нетерпением ожидавшая своей погрузки. К счастью, на борту парохода я заметил промелькнувшие погоны юнкера моего училища. Я что было силы закричал и меня услышали. Один из офицеров училища спустился на мол и потребовал пропустить меня. После короткого и ожесточенного спора с пехотными офицерами он приказал мне: «Берите одно лишь седло и сейчас же на пароход. Все училище уже погружено».

Быстро отыскав коня, я снял с него все, взглянул ему в глаза, мысленно сказал «спасибо» и поцеловал в храп. Потом начал пробиваться к сходням. Толпа недружелюбно гудела со всех сторон, старалась не пропустить, но я был в ярости и, с помощью училищного офицера, выскочил к пароходу.

Поднявшись на борт, я остановился, чтобы отдышаться. Внизу на молу медленно бурлила масса людей. К ней со всех сторон, одиночками и небольшими группами, подходили новые люди. Позади недвижно стояли наши брошенные лошади. Уши их были чутко насторожены в сторону парохода. Казалось, лошади чего-то

ждали и в ожидании ответа застыли, как по мановению волшебного жезла. Зрелище это было непереносимое по своей трагичности...

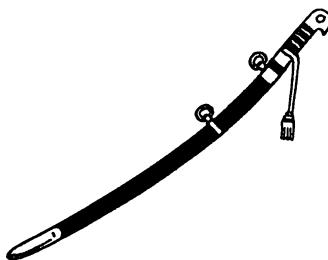
Спускались сумерки. Бой все также гремел в горах около Тонельной. С английских кораблей неслись туда снаряды и над рейдом плавала широкая пелена дыма от выстрелов. Пахло морем, смолой, порохом и гарью. На окраинах города широко уже полыхали пожары. Со всех сторон над Новороссийском нависали огромное безысходное горе и ужас приближающейся агонии...

В трюме я где-то и как-то заснул. Сквозь сон, по легкому покачиванию и дрожанию парохода, я понял, что мы в пути, но проснуться совсем не было сил. Да и стоило ли просыпаться? Все было кончено. Яркая горячая мысль о России постепенно опускалась к земле под тяжестью горных утесов и свинцового неба Новороссийска. Она сгорала, переходя в дым, в огне английских броненосцев и в пламени прибрежных пожаров. Раздирая душу, она уходила все дальше и дальше, выражаясь безмолвным упреком в глазах брошенных юнкеров и смотрящих напряженно вслед уходящему пароходу лошадей...

Оставалась жизнь, но надолго-ли и для чего? Надо-ли было думать о ней, когда рухнула самая сущность жизни и цель борьбы за нее?

Лучше было снова вернуться в небытие сна и звериной усталости. А темнота и липкая грязь на полу трюма не мешали больше ни чему.

Иван Сагацкий.

Ночные атаки

(Из воспоминаний первой Великой войны 81 ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ полка.)

В 1915 году, отступая по Галиции перед фалангой Макензена, после ряда тяжелых ариергардных боев, 3-й Кавказский корпус форсировал реку Сан. Апшеронскому полку приказано было занять и оборонять ряд старых австро-германских укреплений, служивших в начале войны для активной обороны участка названной реки и прикрывавших городок Синяву.

Учитывая важное значение Синявского плацдарма, для продолжения действий наступательных, противник в течении 5-го, 6-го и 7-го мая, с сильнейшей артиллерийской подготовкой, четыре раза атаковал участок полка и 7-го мая, в 6 часов вечера, полку было приказано отступить на позиции у деревни Цеплино, расположенной за лесом верстах в четырех от оставленных синявских укреплений.

Нужно заметить, что полк, за время отступления по Галиции, не покидал своей позиции днем, а, как правило, драился днем, а шел ночью. Оступление днем с Синявских позиций прошло без больших потерь, благодаря дыму и пыли от разрывных снарядов по окопам артиллерии противника, как завесой, скрывавшей отступавшие части полка.

Синявский плацдарм, обеспечивавший непроправы через Сан, давал возможность противнику сосредотачивать на нашем берегу силы, для продолжения наступления.

На позиции у деревни Цеплино наступило затишье. Казалось, отнедыщащая фаланга Макензена выдохлась и противник ограничивался обстреливанием наших позиций редким огнем тяжелой артиллерии. В трех батальонах полка едва ли насчитывалось тогда 1300 штыков. Занимая сторожевым охранением опушку леса перед деревней Цеплино, в сторону Синявы мы посыпали разведывательные партии.

Необыкновенная тишина породила по этому поводу особые толки в ротах: — «Ну теперь шабаш», говорили. «Позади граница. В Россию он и сам не пойдет, потому знает, что ему там буде крышка», или «А може быти здеся и мир буде?». Но последнее предположением встречало возражение в роде: «Да, буде мир тилько праху твоему».

В самом деле, наступившая тишина была непонятна, тем более, что было известно, что Синява занята сильным гарнизоном. Точно

пехотного АПШЕРОНСКОГО ИМПЕРАТРИЦЫ

чувствуя, что у Цеплино сражаться не придется, к укреплению новой позиции в полку относились небрежно. Командир полка ген. штаба полковник Евгений Васильевич Лебединский делал замечания и на это даже сердился, но потом, выезжая ежедневно с ким либо из командиров батальонов к сторожевому охранению на опушку леса, перестал даже появляться на позиции. За неделю затишья люди отдохнули и привели себя в порядок.

13-го мая часа в 3 дня, командир полка вручил каждому из командиров батальонов собственноручно им написанные приказы с тем, чтобы они были объявлены после приезда в полк начальника дивизии. Часов в 5 вечера в полк приехал начальник дивизии Свиты Его Величества генерал-майор Некрасов.

Вообще полк он посещал если не часто, то и не редко. Появление его в полку, как во время затишья, так и в бою, было делом обыкновенным. Нужно заметить, что он умел говорить с солдатами и речь его, насыщенная солдатскими выражениями, у них вызывала подъем. В этот день, подъехав к позиции и отдав лошадь ординарцу, он приказал полку собраться около него. Сняв фуражку и оправив свою густую бороду и усы, начальник дивизии обратился к полку со следующими словами: «Ребята! Апшеронцы лихие! Противник, австрийцы, впереди вас занимают на нашем берегу реки большое место для того, чтобы на нем накопить много войска и большими силами нас атаковать. Прогоним его за реку и уничтожим мосты. Сегодня в час ночи ваш полк атакует участки позиции противника, которые мы обороняли неделю тому назад. После нашего отступления противник считает, что мы никуда не годимся, а потому ночью спит в своих, известных вам землянках, без сапог и штанов, и не охраняется. Самое главное соблюдать тишину, Следите друг за другом. Саперы взорвут особыми зарядами проволоку, туда все устремляйтесь и раньше чем австрийцы проснутся и выскочат из землянок, вы будете в его окопах. Знайте, что противник силен своей артиллерией, а без нее он не стоит и шиша!» Закончив свою речь, генерал вскочил на лошадь и рысью поехал на соседний участок.

«Господа!» обратился он, уезжая, к бывшим около него офицерам, «всегда в жизни счастье мне сопутствовало 13 числа. Уверен, что и в этот раз оно не оставит меня».

Стрелки разошлись по своим местам и защелкали затворами винтовок. Хороший признак!

Командиры батальонов прочли офицерам приказ о штурме Синявы. Приказ был прост, понятен и не вызывал дополнительных разъяснений, потому что за трехдневную оборону синявских укреплений все хорошо с ними ознакомились. Кроме того в полку были офицеры и солдаты, не забывшие Синяву с первых дней войны, когда весь 3-ий Кавказский корпус, в ночь с 4-го на 5-ое сентября, шел ее штурмовать и так же, как и теперь без артиллерийской подготовки. Штурма, правда, тогда не было, потому что не дождавшись его, противник ушел за Сан и уничтожил мосты. Тогда перед нами были австрийцы и сейчас, по приказу три дня тому назад, немцев сменили австрийцы. За все время отступления перед Апшеронским полком были только немцы.

В этот вечер у ротных кухонь не было обычного оживления. Стрелки, получив пищу, отходили в сторону, торопливо и молча ужинали, хотя никто их не торопил. Все приготовления к предстоящему бою сделаны были очень спокойно и незаметно. Вещевые мешки было приказано оставить в обозе 1-го разряда.

Часов к 10 вечера полк выступил. С безоблачного неба светила полная луна. В колонне соблюдалась гробовая тишина. Перед выходом из леса, на привале в стороне от дороги, всем дана была возможность покурить «в рукава» и «оправиться». Командир полка отдавал, собравшимся около него офицерам, последние, на случай, распоряжения. На высказанные офицерами опасения, что слишком светло, командир уверил всех в том, что с бугров и на фоне леса противник видеть ничего не будет. Вообще же все были уверены, что противник не допускает даже мысли о возможности нападения с нашей стороны.

Перед опушкой леса, полк встретил командир саперной роты капитан Молохан и придал каждому батальону по звену сапер, с удлиненными зарядами.

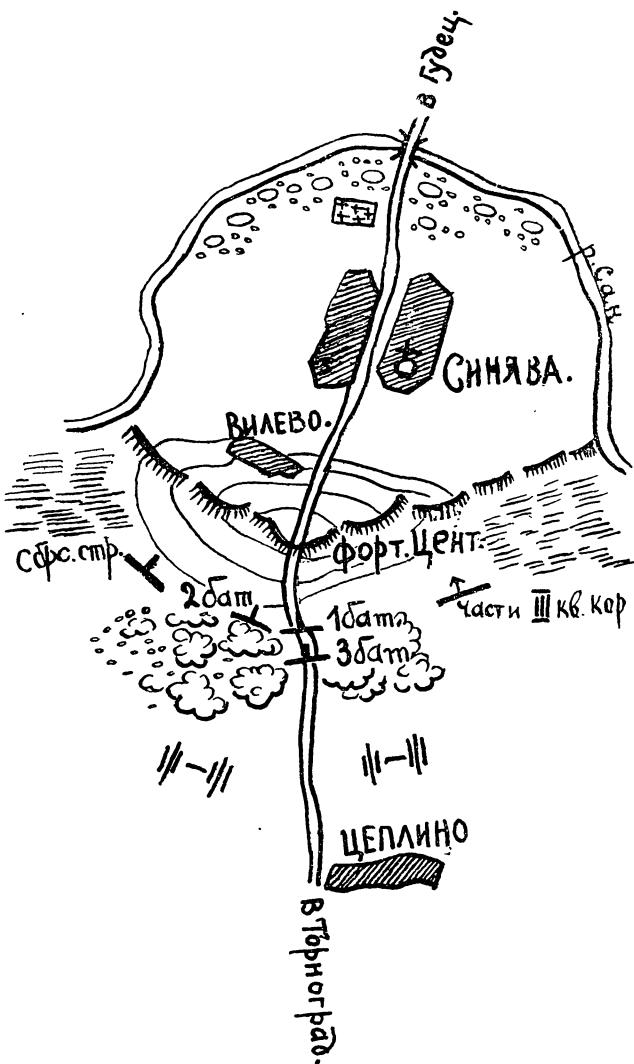
1-ый и 3-ий батальоны остались на дороге. На них, под общим командованием подполковника Викентия Аполлоновича Иванова, возлагалась главная задача: атаковать седлавший дорогу «центральный форт». 2-ой батальон, в котором я имел честь тогда командовать 8-ой ротой, свернув с дороги влево, развернулся в одну линию, перед опушкой леса. Он должен был, под командой подполковника Александра Даниловича Комисарова, атаковать кольцевое укрепление и промежуток между ним и фортом «центральным». Левее Апшеронского полка, значительно выдвинувшись перед опушкой леса, развернулись Сибирские стрелки. Пра-

вее, до реки Сан, действовали полки нашего корпуса.

Командиры батальонов обходили роты: «ну, что, ребята, поработаем», говорили они. «Такая то рота не подкачет», отвечали им стрелки.

Оставалось минут двадцать до начала штурма. Всюду царила совершенная тишина. Как то вдруг скрылась луна и подул ветер. В темноте, в цепях стали подниматься стрелки, но сейчас же валились на землю, потому что со стороны противника взвилась ракета. Ветер усилился. Верхушками деревьев зашумел сосновый лес. Под шумок, соблюдение стрегей тишины у нас стало нарушаться.

Отдавая распоряжения телефонистам, с начальником связи, верхом проехал полковой адъютант штабс-капитан Мейштович. Гремя станковыми колесами, сзади цепей, по боевым участкам распределялись пулеметы, которые только с началом непосредственного штурма

окопов противника, должны были влиться в стрелковые цепи.

За минуту - две до начала атаки, крупной рысью, с ордиарцем, проехал по цепи командир полка: «С Богом, ребята! Вперед, Апшеронцы!» отворил он, не останавливаясь.

Одновременно и точно в 1 час ночи, весь полк двинулся в атаку. Наступать до окопов противника было с версту. По каким то причинам перед 2-м батальоном противник обнаружил сапер: как то особенно резко щелкнул винтовочный выстрел, засим другой, третий и в мгновение ока вся линия обороны противника опоясалась ружейным и пулеметным огнем, не наносящим нам никакого вреда. Пули свистели высоко над нашими головами. Видимо стрелки противника не учитывают понижающейся к нам местности. Кой где, под огнем, цепи залегли, но тут один за другим стали рваться удлиненные заряды сапер и на участке 1-го батальона грянуло дружное — ура! Ура подхватил весь полк и Апшеронцы устремились на окопы противника. Если и не совсем одновременно, но все роты выполнили задачи, атаковали и взяли намеченные нам участки позиции противника. Особенно отличилась 1-го батальона рота штабс-капитана Ювеналия Езоновича Аквадиани. Первой, ворвавшись в центральный форт, она взяла до 500 человек пленных и своей атакой вообще внесла замешательство у противника. Хотя немного времени спустя, в спокойной обстановке, командир 2-го батальона подполковник Комисаров, доказывая подполковнику Иванову, что рота его батальона подпоручика Ивженко, после штурма окопов, стремительно вышла в тыл «форту центральному», чем в значительной мере способствовала его капитуляции. Очень хорошо работали саперы. Взорвав свои удлиненные заряды, они приняли участие в штурме. В удлиненных зарядах, правда, особой нужды не было.

Как оказалось, у противника далеко не все набитые колья были заплетены проволокой. Апшеронцы легко прошли линию заграждений и, после огня в упор и ручных гранат, ворвались в окопы. Не успевши изготовиться, австрийцы сдавались. На участке 8-ой роты, перед освещенной низкой, как дыра, дверью огромной, как подземная казарма землянки, столпились наши стрелки:

«Пан, выходи, пан до плена. А то шаркнем гранату», кричали они. И точно поняв русскую речь, согнувшись и держа вытянутые руки перед собой, австрийцы покидали свое убежище. Винтовки у них были в пирамидах, прислоненных к передней крутизне окопа. Вообще полком было взято до 2.500 пленных. Всех их за окопом приводила в порядок комендантская

команда, она же и по сбору оружия, и отправляла в тыл.

По приказу полк должен был, не задерживаясь в окопах, продолжать наступать на деревню Вилево, пройти ее и окопаться на западной ее окраине. К этому времени, стало быстро светать. Артиллерия противника, обстреливавшая почему то до сих пор покинутую нами опушку леса, перенесла огонь на взятые нами свои окопы. В центральный форт прибыл артиллерийский капитан Куракин, стал корректировать огонь артиллерии и расположенная в низине окраина деревни Вилево покрылась разрывами наших шрапнелей. Ободренные успехом и метким огнем своей артиллерии, по командам вперед, стрелки, выскочив из окопов, густыми цепями стали спускаться к обстреливаемой окраине деревни. Но сейчас же, будучи встреченны сильным пулеметным и ружейным огнем, отхлынули обратно в окопы. Не понеся почти потерь во время штурма, в этот раз многие раненые остались перед окопами. Некоторые из них ползли или ковыляли сами, а других выносили выбегавшие для этой цели стрелки. Отступивши, роты перемешались и их надо было привести в порядок. Прошло может быть с час, как из деревни Вилево выссыпали в контр-атаку австрийцы. Наступали они в беспорядке, вяло и неуверенно. Может быть по причине своего слабого артиллерийского огня по нас. Стрелки похватали, во множестве валявшиеся по всем окопам, австрийские винтовки и, не жалея вражьих патронов, открыли по наступающему врагу сильнейший огонь. Понеся большие потери, противник скрылся обратно в деревню Вилево. По команде или без нее, вслед за отступавшим противником двинулись и наши. От артиллерийского огня загорелось Вилево. Горевшие избы и сильный, преимущественно пулеметный, огонь по продольным улицам далеко не всюду позволил передвигаться по деревне. Вероятно наступление наших соседей на гор. Синяву, с угрозой отрезать его от мостов, заставило противника оставить Вилево.

Ночь с 14 на 15 мая Апшеронский полк провел на позиции на западной окраине Синявы. 15-го полку было приказано выбить противника из кладбища, служившего опорным пунктом, прикрывавшим переправы. Оказав слабое сопротивление, австрийцы ушли за Сан и взорвали мосты.

Часов в 9 вечера Апшеронский полк занял отведененный ему участок общей позиции корпуса на берегу Саны. По причине утомления и как выполнившего главную задачу в штурме Синявы, командир полка усердно ходатайствовал об отводе полка в корпусный резерв, куда он и выступил с наступлением темноты 18-го

мая, но на марше был получен приказ, по которому полку вместо резерва следовало немедленно и спешно ночным маршем подойти к реке Любочивке и атаковать переправившихся через нее немцев.

В частях 3-го Кавказского корпуса опыт штурма Синявы впоследствии послужил примером для многихочных крупных междуоконных поисков и атак.

8-го октября 1915 г., когда вообще было приказано тревожить противника, Апшеронский полк, по инициативе командира полка генерал-майора Е. В. Лебединского, атаковал, по примеру Синявы, в 1 час ночи позицию противника и взял ее, в течении дня отбил контр-атаку и захватил до 2000 пленных.

Во время революции 20 июля 1917 г. два батальона Апшеронского полка и один батальон Ширванского, под общим командованием

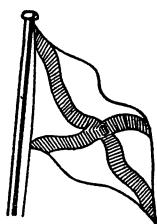
командира Апшеронского полка полковника Викентия Апплоновича Иванова в час ночи атаковали у дер. Чернокозенцы под Каменец-Подольском предмостную позицию противника.

Немцы, оставив до 400 человек убитыми и ранеными, были отброшены за реку Збруч. Атака под Чернокозенцами была произведена не по примеру Синявы, — с короткой, но сильной подготовкой тяжелой и легкой артиллерии.

Бой 20 июля 1917 г., не считая Гражданской войны, был заключительным аккордом в прекратившейся истории 81 пех. Апшеронского Императрицы Екатерины Великой полка и свидетельствует, что, несмотря на старания углубителей завоеваний революции, севших хаос и зло в армии, в полку и тогда не угасал дух и Суворовские традиции Русской Армии.

Полковник Рябинский

Заграницное плавание корабельных гардемарин выпускка 1913 года

Практическое плавание корабельных гардемарин Морского корпуса и Морского Инженерного училища Императора Николая I являлось завершением теоретической и практической программы обучения, проходившихся в стенах училищ. В течение пяти месяцев, они находились на кораблях действующего флота, в нормальных условиях службы, т. е. без какого либо руководства училищных офицеров. Корабельные гардемарины были разбиты на небольшие группы, при чем было проявлено внимание начальства к их желанию, по возможности, быть вместе с близкими друзьями.

Моя группа попала на боевой корабль, славный крейсер «Громобой», герой русско-японской войны и состояла из 19 человек: 6 корабельных гардемаринов строевого состава, из которых помню: фельдфебеля Льва Александровича Трофимова, милого Мишу Стажевича, Леську Воскресенского, Володю Доппельмайера и еще двух (не удержал в памяти); 6 кор. гард. — механиков: фельдфебелей Васю Бердяева и Платона Осипова, Алешу Трефилова, Ромашу Грундмана, Володю Никифорова и меня, и 6 юнкеров флота, выдержавших офицерский экзамен, из которых помню Саранчева и

Старченко. К нам был прикомандирован, плававший волонтером, паж Е. Н. Оношкович-Яцына, впоследствии кирасир Его Величества и георгиевский кавалер.

Командовал кораблем кап. 1 р. Максимов, прозванием «пойга» за его финское происхождение, сыгравший очень печальную роль в начале революции (1-ый выборный красный адмирал, командающий Балтийским флотом после убийства адмирала А. И. Непенина). Старшим инженером — механиком был кап. 1 р. Константинов. Заведывал нами старший судовой артиллерист лейтенант Ставицкий, а во второй половине плавания старший минер лейтенант Стычинский.

Мы нашли «Громобой» в Кронштадте, оканчивавшим ремонт, у стенки средней гавани. Ввиду многочисленности нашей группы и недостатка места в офицерской кают-компании, нам была отведена одна из бортовых угольных ям с большими портами для погрузки угля. При нашем знакомстве с портовым складом 2-го и 3-го сорта мы раздобыли мебель и ковры с канонерской лодки «Снег», открыли порты, вставили рамы, покрасили и получили прекрасное помещение, не хуже кают-компании, а в смысле духовной жизни даже лучше ее. Так как наше юное неистощимое веселье и юмор служили приманкой для суповых офицеров, которые и были у нас постоянными гостями.

Кормились мы сами; я, как всегда, был выбран заведующим хозяйством, в помощь мне был приглашен юнкер Саранчев, знавший почти все европейские языки, что очень помогало при закупках провизии в иностранных портах.

По прибытии корабля в Ревель, откуда эскадра должна была отправится в заграничное плавание, мы переменили ресторатора. Наняли эстонца, очень хорошего повара, но еще лучшего пьяницу. Накануне ухода, он съехал на берег по своим делам, на радостях напился и проспал в городской канаве съемку с якоря. Мы остались без повара. Провизия мною была закуплена во время и я тотчас же превратился в кока; попросил для помощи матроса, которого вскоре обучил кулинарному искусству. Правда, он нам приготовлял самые простые блюда, при чем вначале мы брали командный борщ замечательного вкуса. Первое время, как это часто бывает, наша кают-компания скучала из-за однообразия пищи, но, когда, при съезде на берег в Англии, я выдал на руки экономию (половину кормовых денег в золоте), все остались очень довольны. А при разъезде с корабля в Кронштадте кроме денег получили еще по ящику заграничных консервов — ананасы.

Плавание по Балтийскому морю нам было знакомо. Обогнули Оденсгольм, Эзель и Даго, отсалютовали порту Императора Александра III (Либава), прошли Борнгольм. Эскадра шла в кильватерной колонне. Головным — красавец «Рюрик», под флагом героя Порт-Артура незабвенного адмирала Николая Оттовича Эссена, начальника морских сил Балтийского моря, командиром крейсера был бравый кап. I ранга Бахирев. далее шли линейные корабли «Император Павел I», «Андрей Первозванный», «Цесаревич» и «Слава», за ними крейсера «Россия» и «Громобой», линию оканчивали крейсера «Олег», «Адмирал Макаров», «Баян» и «Паллада». Эскортировал нас полудивизион миноносцев: «Пограничник», «Охотник», «Сибирский Стрелок» и «Войсковой».

Необыкновенно красавая картина открылась перед нами, когда мы вошли в проливы Зунд, Каттегат и Скагерак. В них нас сопровождали парусные и моторные яхты и веселительные пароходы, датские и шведские. Часто пересекали путь так наз. «Ferry boats», пароходы, перевозившие целые железнодорожные составы из Дании в Швецию и обратно. А вечером это была феерия; оба берега были освещены бесчисленным количеством фонарей, чередующихся городков и мигали огни маяков, указывавших нам правильное направление. Погода стояла дивная, летняя, штилевая. При выходе из Скагерака в Северное море нас встретил свежий ветер, переходивший в шторм. Стало изрядно качать. Повсюду стали найто-

вить (прикреплять) все подвижное, что есть на корабле. Говорят, что, из-за господствующих холодный ветров и течений, это море никогда не бывает спокойно. На пятый день нашего похода, вошли в Ля-Манш. Увидели берега Англии и Франции и узнали, что идем в Портланд. Этот первоклассный порт находится на юго-западе Англии, имеет отличную гавань и является базой, для ремонта военных судов.

Англичане встретили нас гостеприимно, показали все, что можно было показывать, пригласили посетить корабли, стоявшие в гавани, а также арсенал и заводы. В Морском собрании был устроен прием для г. г. офицеров и корабельных гардемарин, а также бал. При съезде на берег, по своим личным делам, офицеры были в штатском платье, мы же, как и матросы, носили форменную одежду, состоящую из синего или белого кителя офицерского образца, при кортике и офицерской шинели и фуражке. Погоны были кондукторского типа, т. е. продольный золотой или серебрянной широкой полосы, с гардемарийским якорем того же металла на ней. Во время двухнедельного пребывания в Англии мы были гостями Английского короля и имели бесплатный проезд по железным дорогам. Это счастливое обстоятельство дало нам возможность поехать, через Саутгемптон, в Лондон. При выходе с вокзала, мы остановились у киоска для размена денег. За границей нам платили золотом и, вынув десяток золотых монет, мы попросили разменять их. Велико было изумление, когда служащий на чистейшем русском языке (он оказался греком) спросил, нет ли у нас бумажных денег и объяснил, что в России теперь самая твердая валюта, а бумажные деньги не тяжелы и более удобны в обращении. Наша национальная гордость была удовлетворена этим заявлением. Вот тебе и Англия!

Поселились на набережной Темзы, в «Ватерлоо-Отеле». К ужину (обеду) выходили в белых кителях, так как там принято ужинать в параде; дамы в вечерних платьях, а мужчины в смокингах. Стол наш был посередине зала и на нем среди цветов были маленькие флаги русские и английские. Нас приглашал метр д'отель и присутствовавшие принимались за еду, как только мы появлялись. За неделю, мы побывали в соборе св. Павла, Вестминстере, Лондонской башне (Tower), Национальном музее, Гайд-Парке и в театре Ковент-Гарден, где в это время танцевала Павлова.

После Англии, мы спустились к берегам Франции и бросили якорь на рейде Бреста. Этот лучший французский военный порт встретил нас овациями и поцелуями, но ничего дельного не показал. Большая эскадра отсутствовала. Мы видели в порту лишь старый броненосец «Henri IV» с квадратной трубой и

другой совсем без труб. Оба были сданы на слом.

Отсюда, все, кто мог, отправились в Париж. Главная приманка была, конечно, Эйфелева башня, с верхней площадки которой мы послали на родину открытки со штемпелем почты — Эйфель и смотрели как упражнялся на поле Иесси ле Мулино Henri Farmon на своем биплане. Зрелище интересное. Это были его первые шаги, вернее прыжки. На больших бульварах и на рю де ля Пэ сделали покупки, при чем я, в числе прочих предметов, купил дюжину носовых платков французского батиста для подарка сестре. По приезде домой, при раздаче их, раскрывая картон, увидел прекрасные платки, перевязанные лентой с красным ярлыком, посередине которого был золотой орел с надписью Morosoff Freres, Moscow, так что самые лучшие платки французского батиста оказались русского происхождения.

Через две недели тронулись в дальнейший путь. Покачавшись на зыби Бискайского залива и проделав нужные маневры в Атлантическом океане, эскадра взяла курс на Норвегию, порт Христианзанд. В это время мы, механики, несли верхние (строевые) вахты; знакомились на практике с штурманским делом, т. е. смотрели «хоры стройные светил», а строевые несли машинные и кочегарные. Отчаянно ругались, так как им очень не повезло; из-за сильной качки и жары топок почти все переболели морской болезнью.

Порт Христианзанд находится в глубине красивого залива — фиорда; очень богатый и торгово - промышленный. Его рыбно-консервные фабрики славятся на весь мир. В окрестностях расположены многочисленные рыбачьи селения. На утро, по приходе, я был назначен рулевым на почтовый катер, так как «Громобой» был дежурным кораблем. На городской пристани к моменту прихода наших людей с почтой ко мне подошел благообразный пожилой господин в цилиндре и рединготе и обратился по английски. Я понял, что он хочет попасть на «Рюрик». Считая, что это турист и не имея приказания брать посторонних на катер, я ему вежливо отказал и просил подождать шлюпку с «Рюрика». Вскоре мы отправились с почтой по всем кораблям. Отвалив от «Рюрика» к своему кораблю, я заметил, что мой старик гребет на частном рыбачьем боте к левому трапу «Рюрика», и тотчас мы услышали «полундру», — «караул, оркестр и команду на верх, фалрепные на левую», «должите адмиралу» и увидели адмирала, выходящего на палубу, на ходу застегивая сюртуки. Оказалось, что это был морской министр Норвегии с визитом к адмиралу Эссену. Конечно, он был принят со всеми почестями. Полагающимися его сану, и отвалил от корабля уже с правого тра-

па на адмиральском катере с уборами. Я был сильно сконфужен тем, что ему отказал, хотя формально и был прав.

Через несколько дней кап. 1 р. Кербер, начальник штаба командующего, организовал экскурсию в знаменитый Лизе - фиорд, длиной 4 мили, для его осмотра. Минноносцы «Пограничник» и «Охотник» приняли на борт всех желающих и снялись с якоря. Это была исключительно интересная прогулка. Очень узкий и безконечно длинный фиорд, окаймленный лесистыми горами 600-800 метров высоты, очень глубокий с удивительно прозрачной синей водой. Он оканчивался довольно большой долиной. В глубине ее стояло несколько солидных домов характерной скандинавской постройки. У деревянной пристани находились на причалах три больших шкунны. На «Охотнике», где я был, раздалась команда «отдать якорь». Слышу характерный лязг вытравляемой якорной цепи и вдруг — тишина. Мы потеряли якорь. Глубина у берега была более чем 100 сажен и якорь, не достав дна, вырвал цепь из становой скобы (жвака галса). Командир кап. 2 р. Вилькен, если не ошибаюсь, спокойно приказал швартоваться к пристани, что и было выполнено с большим мастерством.

Все сошли на берег. К нам приближалась группа человек в 30 во главе со стариком с седой голландской бородой. Кап. 1 р. Кербер, бывший ранее морским агентом в Норвегии, прекрасно говорил по норвежски. Он нам перевел следующий диалог: Патриарх спросил, кто мы такие и, получив ответ, что мы русские моряки, очень обрадовался и задал вопрос, «а как поживает мой дорогой друг Император Александр II-ой?» Кербер ему сказал, что он умер уже давно и теперь благополучно царствует внуc его Государь Император Николай II-ой. Старик пригласил нас выпить пунша и молока, пояснив, что все это место и суда принадлежат ему и его семье, которую вы видите, и что у него почти каждый год бывают с визитом коронованные особы и чаше всех — Кайзер Вильгельм II-ой. Действительно, место было красиво, одно из лучших в Норвегии. По окончании всех церемоний нашего визита и отдыха в Норвегии, мы отправились в обратный путь в Россию.

В Северном море опять попали в десятибалльный шторм и во время его на крейсере «Паллада» произошел несчастный случай с моим большим другом кораб. гардем. механиком Генрихом Голинским. Вступая на машинную вахту и ощупывая подшипник, вследствие сильной качки, он потерял равновесие и попал правой рукой в серьгу кулиссы Стефенсона, которой и раздроблено ему 4 пальца правой руки. Не теряя хладнокровия, он подошел к вахтенному инженер-механику и попросил

разрешения пойти в лазарет. На «Палладе» подняли сигнал: «прислать хирурга». Эскадра замедлила ход и с «Рюрика» спустили шестерку (лучшая шлюпка в штормовую погоду) и с большими трудностями прибывший хирург произвел необходимую ампутацию. Судьба не была милостива к несчастному другу. Он остался служить офицером на «Палладе» и погиб, в начале войны, вместе со всем составом, от мины немецкого подводника.

По возвращении в Кронштадт, мы держали практический экзамен, каждый по своей

специальности. Нашу комиссию возглавлял флагманский инженер-механик георгиевский кавалер ген.-м. Блинов и 5-го октября, Высочайшим приказом по Морскому Ведомству, все были произведены в чин мичмана.

Инженер-механики нашего выпуска были первые, надевшие золотые погоны мичмана (ранее были серебряные, подпоручика). Это было личное желание Государя Императора Николая II уравнять их в правах со строевыми офицерами флота.

И. Волхонский.

Северная Чечня

Тяжело громыхая, ночью, в полной темноте, поезд дотащил нас до Грозного — столицы Чечни, куда мы ехали для набора всадников чеченцев и формирования 1 Чеченского конного полка. Взяв извозчика, мы приказали везти себя в гостинницу. Все попытки найти комнату оказались тщетными: все было занято и реквизировано. Мы в отчаянии подумывали уже возвращаться на вокзал и там в зале первого класса коротать остаток ночи, как вдруг нашего возницу осенила мысль и, нахлестывая свою лошаденку, он снова повез нас через сонный город. Деньщики наши с выюками и седлами тащили следом за нами.

Мы остановились у какого то мрачного двухэтажного дома. Распахнулась дверь; до нас долетели звуки охрипшего граммофона. Любезная хозяйка, с нескрываемой радостью, выбежала нам навстречу, готовая, казалось, заключить нас в объятья... Нам предложили довольно посредственную комнату, но мы были и ей рады, предвкушая удовольствие выспаться и вымыться. Наши деньщики сразу же вошли в свою роль: появилась горячая вода для мытья, самовар, стелились кровати. Хозяйка усиленно уговаривала нас поскорее вымыться и подняться к ней на верх, но, сославшись на усталость, мы уклонились от ее предложений. Мой деньщик Гончаров смущенно сказал: «Господин Ротмистр, да ведь мы попали не в гостинницу; это настояще «заведение» — здесь только одни молодые барышни». — «Ну, что же, мы все же останемся здесь» — улыбаясь, заявил ротмистр Феденко-Проценко; — «не ночевать же нам на улице, а завтра, осмотревшись, переедем.» — Вымывшись и напившись

чаю, мы стали подумывать о сне. Вдруг страшный женский крик и шум возни раздались у самой нашей двери. Накинув бурку, я вышел в корridor; какой то вольноопределяющийся чеченец неистово бил по лицу полууголую растерзанную женщину; она не оставалась в долгу, визжала и отбивалась.

Прикрикнув на вольноопределяющегося, я приказал ему немедленно же убираться; он был видимо этому крайне обрадованый и мгновенно скрылся; но женщина не унималась, продолжая требовать каких то денег. Я совсем не хотел вникать в их счеты и разногласия, и приказал своему деньщику успокоить разбушевавшуюся женщину. На крики прибежала и хозяйка, на этот раз сильно обиженная, упрекая нас в самоуправстве и подрыве ее «дела». Но несколько минут спустя инцидент был исчерпан и мы, изрядно усталые, заснули под звуки граммофона и нескончаемого смеха наверху.

Проснувшись рано утром, мы отправились в Управление Чечни за предписанием. Оказалось, что наше пребывание в Грозном очевидно задерживалось на день-два. Нам предстояло ехать в горные аулы, только недавно покоренные и приведенные в подчинение, для набора всадников; для нашей экспедиции требовался конвой стражников, которые в то время были все в разгоне, и нам приходилось их ждать.

Воспользовавшись вынужденным пребыванием в городе, мы решили приобрести черкески, как нам это советовали для успеха нашей миссии. До сих пор, и во время Степного Похода, мы ходили в форме Лейб-Драгун, считая себя прикомандированными; теперь же,

перейдя в 1-й Чеченский Конный Полк и приняв эскадрон, нам приходилось одевать форму полка. Все дни нашего пребывания в Грозном мы, четверо однополчан, ежедневно собирались вечером на обед в лучшем в то время в городе ресторане «Сан Ремо» и, слушая музыку, за стаканом вина, вспоминали наш старый полк и делились впечатлениями дня.

Нам четырем, предстояло набрать людей для двух эскадронов. По обоюдному соглашению мы разделились на две партии: одна — ротм. Феденко-Проценко и я, другая — шт. ротм. Генрици III и корнет Алехин. Между собою мы поделили и аулы, в зависимости от числа выставляемых ими всадников.

Стражники все не прибывали, а время шло: 25-го был назначен день для погрузки в эшелоны. Нужно было торопиться, и мы решили рискнуть поехать самостоятельно. Мы наняли подводу, вооружили наших денщиков винтовками, и, оставив все свои вещи у знакомых, 20-го июля, плотно и хорошо позавтракав, пустились в путь.

У нас было предписание Правителя Чечни, с указанием, сколько какой аул выставляет всадников на основании договорных условий местного Горского правительства с Главным Командованием. Нам оставалось только принять количество вооруженных всадников и лошадей, с походной седловкой, удостоверяя их годность для строевой службы. В противном случае, нам предоставлялось право их браковать и требовать замены. В помощь нам давались медицинский и ветеринарный фельдшера.

Первый ближайший аул был Новые-Алды, в котором мы должны были принять 36 всадников. Прибыв в управление аулом, мы вызвали старшин и предъявили свое предписание. Громадная толпа конных и пеших чеченцев, вооруженных с ног до головы, злобно на нас посматривала. Старшины сразу же стали торговаться, прося уменьшить число выставляемых всадников. Мы отказались вступать с ними в спор и строго держались предписания. Проспорив более часа и видя, что мы непримиримы, «старики аула» стали собирать предлагаемых к мобилизации чеченцев.

Расставив столы посреди площади и составляя попутно ведомость, мы приступили к приемке лошадей, вооружения, обмундирования, седловки и наконец лошадей. Все это приходилось делать весьма тщательно, непрерывно бракуя и требуя тут же замены. Сопровождалось все это невероятным спором и торгом. Тут пришлось столкнуться с многочисленными непредвиденными трудностями: многие чеченцы не говорили по русски, и приходилось обращаться к переводчику. Документов почти ни у кого из них не было; имена же у всех были од-

ни и те же: Ахметы, Магометы, Али и проч. Все это вызывало невероятную путаницу, и, как следствие — в будущем возможны были подмены и подделки. Тогда мы решили в ведомости указывать отличительные признаки каждого принимаемого чеченца и каждой лошади.

Тут же на месте у нас выработался прием: твердо стоять на раз заявленном требовании и ни в каком случае не уступать, иначе всей нашей миссии грозил провал; малейшее послабление вызывало сейчас же дальнейшие просьбы. Чеченцы вообще народ дикий и мало-культурный. Единственно, что на них действует — это сила и животный страх перед офицером, в котором они видят представителя власти и высшую расу. Всем им были еще памятны недавние жестокие с ними расправы генерала Ляхова, при подавлении восстания и приведения их в покорность. Многие аулы были сожжены и разбиты казаками, и много крови было пролито здесь в горах, пока чеченцы не признали над собой власти Главнокомандующего.

Когда мы покончили с приемкой, нас пригласил к себе в гости старый, седой чеченец. Переступив порог его богатой сакли, мы сразу же попали в другой мир. Расстелив ковры на балконе и сняв сапоги-чувики, хозяин долго молился; затем принесли самовар и нас пригласили к столу; подали очень вкусную яичницу с острым сыром и шашлыки. За стол сел хозяин, пригласив нас, как гостей, сесть справа и слева от него. Никто из сыновей не смел садиться в присутствии отца: они, вооруженные, встали вдоль стены. Еду подавали жены (их у нашего хозяина было четыре), с опущенными глазами и не смотря на окружающих; поставив блюдо, они сейчас же уходили. Дочери-девушки вообще не показывались на глаза. По восточному обычаю есть приходилось всем из одного блюда-тарелки, закусывая вкусным хлебом-лепешками. Одно блюдо сменялось другим, затем пошли сладости и варенье и началось обильное чаепитие. Так просидели мы за столом часа два, а то и более; затем хозяин встал и снова стал молиться. Было уже поздно, мы сильно устали. Хозяин проводил нас в саклю, всю увешенную коврами, и указал на низкие диваны, предназначенные для сна.

Была чудная ночь; горный воздух был как то особенно легок и чист. Несмотря на усталость, спать не хотелось; мы вышли на балкон и, усевшись на подушки, слушали интересный рассказ хозяина о том, как его народ живет в своих аулах. Вся домашняя работа, хозяйство, работа в огородах и проч. — лежит на женах, количество которых зависит исключительно от средств мужа. Мужья покупают жен за деньги или выменивают на лошадей, и тогда вся сдел-

ка проходит гладко и полюбовно, но бывают и случаи похищения в соседнем ауле намеченной в жены девушки, причем в таких экспедициях участвуют и ближайшие родственники и тогда часто все дело кончается кровопролитием и убийством, переходящими в дальнейшем в «кровавую месть» двух родов. Женщина — раба, не имеющая права ни сидеть за одним столом с мужчиной, ни покидать ограды своей сакли. Мужчины же, как правило, вообще ничего не делают и страшно ленивы. Назначение их — защита своего очага от всевозможных кровных мстителей. Грабеж, как средство существования, в их жизни совершенно узаконен, особенно если это касается ненавистных соседей их — терских казаков, с которыми чеченцы с непамятных времен ведут войны. Все мужчины и даже дети всегда при оружии, без которого они не смеют покинуть свой дом. Грабят и убивают они преимущественно на дороге, устраивая засады; при этом часто, не поделив честно добычи, они становятся врагами на всю жизнь, мстя обидчику и всему его роду. Торговли они почти не ведут, разве что лошадьми. Край богат и, при женском только труде, кормит их с избытком. В политическом отношении чеченцы совершиенные дети и ни в чем не разбираются. Они слепо преклоняются перед Русским Царем и в особенности — перед Великим князем Михаилом Александровичем, бывшим начальником «Дикой дивизии», портрет которого висит буквально в каждой сакле. Большевизм им не понятен, но чутьем они видят в нем врага, покушающегося на те льготы и права, которые были им дарованы Царем. Керенского же они просто презирали и считали жидом. Идею Белого Движения чеченцы объясняли себе с трудом, и вообще относились с недоверием ко всему, что не было санкционировано законным монархом.

Поговорив вдоволь с нашим гостеприимным хозяином, мы улеглись спать; хозяин последовал за нами в комнату и, положив винтовку рядом на подушку, лег на полу поперек двери. Мы пробовали протестовать, но он заявил, что это его право и долг, как хозяин — он и весь род его отвечают за благополучие и безопасность гостей.

Проснувшись рано утром, я решил пойти выкупаться в реке Сунже, протекающей здесь же под обрывом. Каково же было мое изумление, когда я, выйдя из ограды, увидел идущими за мною двух вооруженных сыновей хозяина. Я почувствовал какую то неловкость и просил их не беспокоиться, но они запротестовали: «Твоя наш гость, и наша должна тебя охранять и ей Богу зла не делает». Я стал раздеваться, они повернулись ко мне спиной, сели на корточки, зажав винтовки в руках, и в такой позе

оба просидели пока я купался и одевался, после чего снова проводили меня в саклю.

Поднявшись на гору, я остановился и долго любовался. Все было так красиво и необыкновенно: живописно разбросанный среди гор и утопающий в зелени аул имел какую то особую прелест; внизу между скал с шумом неслась быстрая Сунжа. Тут же, по узкой тропинке, под гору за водой шла нескончаемая вереница смуглых чеченок в пестрых платках, с высокими медными кувшинами на головах. Шли они медленно, безшумно, опустив глаза. Все это было торжественно-красиво, и так далеко от городской жизни и большевизма...

Напившись чаю и распостиившись с нашим милым хозяином, мы, на этот раз уже с конвоем в 8 стражников, на тачанке выехали в следующий аул Алхан-Юрт. Проехав верст десять по красивой горной дороге, и дважды перейдя вброд небольшие речки, мы попали в узкое среди скал ущелье; как вдруг из за камней выскочило несколько вооруженных чеченцев — абреков, загородивших нам дорогу. Но, увидев офицерские погоны, а главное стражников, сдали на подводе, они расступились и пропустили нас, злобно оглядываясь. — «Кажется во время нас нагнали стражники, иначе нам не сдобривать» — сказал ротм. Феденко-Проценко — «ведь это все абреки-разбойники, выходившие за добычей». На всякий случай деньгичики зарядили винтовки, а мы вынули из кобур револьверы.

Подъехав к аулу Алхан-Юрт, мы увидели груду развалин: аул был почти весь сожжен казаками. Мы направились к Правлению. Заметив нас издали, нам навстречу, с криком бросилась вооруженная толпа. Минута была довольно жуткая; мы немного растерялись: они очевидно приняли нас за казаков — своих злейших врагов. Но тут конвой выехал вперед, вышел переводчик, и объяснил, кто мы. Нас окружили и долго недоверчиво рассматривали. Мы предъявили предписание о мобилизации 20-ти всадников-джигитов. Они наотрез отказались. Тогда ротм. Феденко-Проценко объявил, что это требование Главнокомандующего, и что если к 20-му июля требуемые всадники не будут выставлены, то будут вызваны казаки. Почувствовав, что за нами сила, жители, спорив, согласились и, желая очевидно сгладить первое впечатление, стали усиленно приглашать нас на какое то торжество с тем, чтобы мы только остановились в ауле.

Отказавшись, мы уехали дальше, и, проделав еще около 20-ти верст, въехали в чудный, богатый аул Старый-Артык. Здесь нас поджидал уже сход в полном составе. При содействии старшин и «почетных стариков», мы приняли на этот раз сравнительно быстро, со-

гласно предписанию, 60 всадников. Конечно, все это не обошлось без торговли и просьб, но теперь у нас уже выработалась схоровка и все проходило довольно гладко. По окончании приема всадников, к нам подошел старый чеченец, знакомый по Астраханскому походу, ординарец начальника дивизии, находившийся здесь в отпуску, и пригласил нас к себе. Отлично накормив, он отвел нам богато устланную и увешанную коврами комнату. «Старики аула» безпрерывно приходили, прося о разных поблажках и отстрочках. Видя наше упорство, но желая все же добиться своего, они стали предлагать нам подарки, ценные кинжалы, бурки, седла, но мы отклонили все эти подношения, настаивая на своем.

На следующий день мы были приглашены в гости к одному старику чеченцу. В назначенный час к воротам сакли нашей собралось человек 5-6 вооруженных чеченцев; это был конвой, присланный, чтобы нас сопровождать. Нас широко угостили, было выставлено масса кукурузной водки, подавали отлично и своеобразно приготовленных цыплят, пилав с кишмишем, шашлык, зелень, и еще какие то очень вкусные блюда. Все родственники хозяина, как это у них положено, пока мы обедали, стояли у стены и созерцали нашу еду.

Часов около 12-ти вечера хозяин пригласил нас пойти с ним к соседу на свадьбу. В саду, на коврах, сидели гости, освещенные несколькими факелами. В стороне помещалась невеста, на этот раз купленная, среди своих сверстниц-девушек. На противоположной стороне жених и его друзья танцевали лезгинку с кинжалами во рту. Все танцы сопровождались оглушительной стрельбой в воздух, выражавшей веселье и восторг гостей. Временами, начинался общий танец под звуки зурны или гармоники. По обычай чеченцев, кавалеры танцевали в 2-3-х шагах от своей дамы, не смея до нее доторкнуться, но стараясь непременно при каждом повороте выстрелить в воздух из револьвера, отчего пальба шла безпрерывно. Неожиданно ко мне приблизился чеченец и, разрядив у самого моего уха свой автоматический пистолет, сказал мне, протягивая руку: «Мой сын будет служить у тебя в эскадроне, твой ей Богу нравится». Стрельба у самого уха — это наивысшее выражение симпатии, но от этого начинало уже шуметь в голове.

Среди гостей я заметил одного чеченца, за которым по пятам ходило три других с оружием в руках. Я спросил объяснений у хозяина; оказалось, что это «кровники»: четыре года тому назад во время ссоры он зарезал кинжалом другого чеченца и теперь весь род последнего мстит ему. В итоге, один род должен вырезать

другой, и потому-то часть семьи заставляет охранять его.

По знаку хозяина вдруг все смолкло; нам принесли угощение и снова ту же ужасную мутную водку. Жених и невеста ушли в саклю, куда за ними последовали два «почетных старика аула». Прошло немного времени и «старики» вынесли и предъявили гостям кусок материи с пятнами крови... Ответом на это была бешеная стрельба в воздух и дикие танцы с кинжалами и бросанием вверх оружия. Молодая была принята в семью. В противном случае деньги возвращаются назад и, как нам говорили, по неписанному закону, несчастную женщину забивают на смерть. — Уже поздно ночью мы возвращались домой, провожаемые всем аулом с факелами и стрельбой.

На следующий день мы приняли еще в соседних аулах 48 всадников. — Миссия наша приходила к концу. Накануне погрузки, нас посетил полковник Невзоров, помощник командира полка и произвел осмотр принятых нами джигитов. Вид людей был хороший и молодой конский состав был прекрасный.

Побывать во всех саклях, куда нас приглашали, мы конечно не могли, они же считали за особую честь принять у себя офицера, да еще своего будущего начальника. Под разными предлогами мы все эти приглашения отклоняли, побывав только у влиятельных «стариков» и у муллы; все это отнимало время и мешало делу, а его была масса: нужно было торопиться с отчетами, ведомостями и расчетами для погрузки, а также озабочиваться фуражем. Не имея с собой писарей, мы оба часами сидели над листами бумаги, вычерчивая и подсчитывая.

Рано утром 25-го июля на сборный пункт стали прибывать мобилизованные всадники. Снова проверка, снова браковка и только часам к десяти утра мы смогли выступить походом в Грозный для погрузки в эшелон. По дороге нас настиг красавец всадник, в погонах подпрaporщика, с колодкой георгиевских крестов и просил о зачислении его в эскадрон. Он был так красив и эффектен на своей золотисто-рыжей кобыле, что мы им невольно залюбовались. Из предъявленных им документов явствовало, что это был старый всадник, службы 1911-го года, окончивший учебную команду в Дагестанском Конном полку. Он был сразу же назначен вахмистром эскадрона. Это была действительно находка для меня, вызывавшая в дальнейшем заисть у всех командиров эскадронов. Знание строевой службы, авторитет и личная храбрость сделали его моим незаменимым помощником и советником во все времена моего командования 4-м эскадроном.

Часам к 4-м дня, в колонне по три, мы

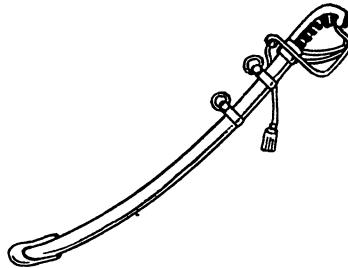
вступили в город. На главной площади набраных всадников встретил начальник дивизии генерал Ревишн; пропустив колонну, он подозвал ротм. Феденко-Проценко и меня и, благодаря за быстрое выполненное поручение, сказал: «Слава Богу, вы набрали молодцов, и по внешнему виду они так не похожи на тех, что были с нами в степях, а конского состава лучше и желать нельзя».

Придя на вокзал, мы с места же приступили к погрузке в поджидавший нас поданный к платформе состав. Погрузка шла чрезвычайно медленно; полудикие, горячие лошади не хотели входить по сходням в вагоны. Неопытные к посадке чеченцы суетились, кричали, создавая путаницу и калеча лошадей. Чуть ли не каждый лошади приходилось завязывать глаза и грузить по-очередно. Когда наконец, часам к семи вечера, все было закончено, нам сообщи-

ли, что приказано построить в пешем строю всех людей на платформе, куда вскоре прибыл Правитель Чечни генерал Алиев в сопровождении начальника дивизии. Обойдя людей и поздоровавшись с нами, ген. Алиев обратился к джигитам с напутственным словом на чеченском языке. Ген. Ревишн представил ротм. Феденко-Проценко и меня ген. Алиеву, который, в очень лестных словах, благодарил нас за блестящий вид чеченцев, добавив, что от Лейб-Драгун он другого и не мог ожидать.

С наступлением темноты, под страшную пальбу в воздух изо всех вагонов, мы покинули Грозный. Эшелон наш двигался невероятно медленно, повсюду останавливаясь и пропуская поезда, и только на вторые сутки ночью мы прибыли в Ставрополь, где и были отведены на запасные пути.

Д. де-Витт

Искусство и счастье

«На войне необходимы искусство и счастье.»

Фридрих Великий.

В начале августа 1914 года, XI армейский корпус в составе 11-ой, 78-ой и 32-ой пехотных дивизий (перечисляю в порядке с севера на юг) наступал в общем направлении Броды - Львов, по обоим сторонам железной дороги, соединяющей эти города, и дня 13 (26-го) августа, на линии верховьев Западного Буга, (примерно на полдороге между упомянутыми городами), неожиданно наткнулся на оборонительную позицию противника. Замечу, что слово «наткнулся» употребляю здесь с точки зрения 32-ой пех. дивизии, авангард которой (125-й пех. Курский полк с 4-ой и 6-ой батареями 32-ой арт. бригады), двигаясь по шоссе через село Скваржаву, подошел на 2-3 километра к позициям австро-венгерских батарей и был расстрелян в колонне.

Но обе северные дивизии были счастливее,

им удалось не «наткнуться», но «войти в соприкосновение» с противником и развернуться нормальным путем; в частности их артиллерия имела время для разведки и занятия «настоящих» позиций. В особенности удачно это вышло у 11-ой пех. дивизии. Все было сделано как в мирное время и даже — накануне будущего боя.

И вот, придя рано утром следующего дня на свой наблюдательный пункт, командир 5-ой батареи 11-ой артиллерийской бригады подполковник Савицкий (Владимир) увидел такую «картину», что в первый момент не хотел верить собственным глазам! Перед ним был австрийский артиллерийский дивизион, стоявший совершенно открыто в расположении своей пехоты, вытянутый в одну линию, почти как одна батарея. Фланги батареи были обозначены вышками (подобными имевшимся у нас, но возившимся в обозе), на которых были заметны фигуры, вероятно, командира дивизиона и его, не менее отважных, командиров батареи — вышек было четыре.

Подполковник Савицкий был едва ли не лучшим стрелком на Шубковском полигоне (как бывший член Мишненного комитета этого полигона, присутствовавший при стрельбах трех бригад и двух отдельных дивизионов, могу утверждать это совершенно категорически). Отличный наблюдательный пункт и таковая же позиция батареи ставили стрельбу и теперь в условия мирного времени. Поэтому нет ничего удивительного, что батарея действовали как на полигоне и что австрийский дивизион был взят в такой «переплет», что не мог дать ни одного выстрела, а затем целиком попал в руки нашей атакующей пехоте.

За этот бой подполковник Савицкий был представлен к ордену св. Георгия — на точном основании статута: имея 8 орудий, разгромил 18! Но главным достижением было то, что батарея сразу получила уверенность в своем командире и в себе самой, как и желание продолжать войну в том же духе.

Однако счастье на войне переменчиво, и всего лишь через несколько дней произошел случай, сильно понизивший настроение батареи, к счастью — лишь временно.

Противник отступил на запад, но 3-я армия была повернута на север, к Раве-Русской, и только позже — обратно к Львову и на запад. Во время движения среди лесов и болот северной Галиции обстановка была слишком часто неизвестной, невыясненной, или неопределенной и даже вообще невероятной — в равной степени для обоих сторон. Поэтому произошел однажды и такой случай, что полубатарея 5/11-ой батареи, под командой старшего офицера батареи штабс-капитана Подейского оказалась на позиции, в расположении австрийской пехоты, без всяких признаков присутствия пехоты собственной!

Австрийцы пошли в наступление и засыпали полубатарею пулями, которые летели сначала только спереди, потом — справа и слева и, наконец, сзади. Оставалось пока только узкое окно в этом, еще не замкнувшемся круге, которым шт. кап. Подейский и воспользовался. Приказал оставить орудия и, сняв с них прицелы и панорамы, отступать туда, откуда противник еще не стреляет, что и было благо-

лучно исполнено. В результате получилось, однако, нехорошо: всего лишь 3-4 дня тому назад командир батареи представлен к Георгию, а вот теперь — теряет половину своих пушек! Об этом нужно, конечно, донести и совершенно испортить свою репутацию! И вот, командир решил не доносить!

В основу такого решения, кроме веры в свое счастье, подполковник Савицкий взял следующие соображения: австрийцы непрерывно и быстро отступают, а мы их преследуем. При таких обстоятельствах, чужие пушки, хотя бы и были трофеями, не могут быть у отступающего предметом особого внимания; едва ли найдется время возиться с ними и отправить их куда-нибудь в тыл, за Карпаты. Всего вернее, что австрийцы будут заботиться о пушках собственных, а на чужие махнут рукой и бросят их там, где они в данное время находятся. А это дает 5/11-ой батарее шанс найти их где-нибудь, какой бы малой такая вероятность не казалась.

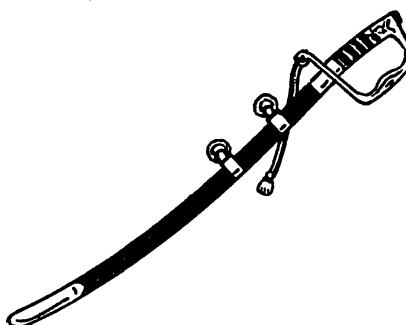
Командир ухватился за эту «соломинку» и его батарея ходила некоторое время с 8-ю пустыми передками. Высшее начальство это, конечно, не замечало, как и не подозревало о тех «кошках», которые скребли в сердцах командира и его подчиненных.

Дни шли своим чередом и вот, в один действительно, прекрасный день, батарея проходила городом Львовом. Шла по каким то боковым улицам и вышла на небольшую площадь, а на этой площади стояли 4 русские пушки и 4 задних хода зарядных ящиков. «Наши», мелькнула у всех мысль. Батарея остановилась. Сверили номера: действительно «наши». Сейчас же все было надето на передки и батарея продолжала поход в полном составе и, конечно, в праздничном настроении.

Итак, подполковник Савицкий оказался прав: рискнул и — выиграл. А в скором времени пришел и приказ о награждении его орденом св. Георгия.

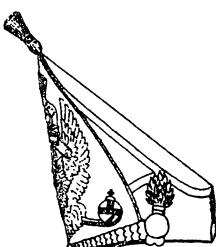
Эту историю рассказали мне на войне сперва — шт. кап. Подейский, а потом и подполковник Савицкий.

В. Милоданович.

ЦАРСКАЯ ЛОЖКА

Картинки из мирной жизни Л. Гв. Павловского полка
1907 г.

Царские трубачи, казаки Собственного Его Величества конвоя, протрубили «отбой», подхваченный трубачами, горнистами и барабанщиками частей, участвовавших в больших маневрах.

Маневры, тянувшиеся днём 7-8, кончились и полки начали оттягиваться к своим обозам 1-го разряда, где были походные кухни, чтобы, победав и отдохнув, двинуться в Красное Село.

Было около 12-ти часов дня. День был се-ренький, но тихий и теплый.

Наш полк подошел к деревне Большие Сиворицы, где были ротные кухни и офицерское собрание. Большой стол был растянут, стояли скамейки, табуреты, стулья. Буфетчик с собранской прислугой расставляли приборы, ставили закуски, графинчики с водкой, бутылки с вином. Офицеры подходили и, не ожидая обеда, пили водку, закусывали и, обмениваясь впечатлениями маневров, расспрашивали офицеров роты, через цепи которой проехал Государь, задерживаясь разговором с солдатами.

К ротам подъехали кухни и очередь солдат с котелками ждала раздачи варки и мясных порций. Заведывавший хозяйством полковник Иван Иванович Гештовт, воспользовавшись тем, что в Сиворицах оказался не то скопил скопов, не то отделение какой-то молочной фермы, купил несколько ведер сметаны, которую вылили в ротные кухни. Борщ получился чрезвычайно вкусный, а особенно на голодный желудок после изрядного моциона, на который пришлось встать едва ли не в 4 часа ночи, еще в полной темноте.

На правом фланге, спустивши ноги в придорожную канаву, сидела рота Его Величества, а на шоссе стояла ротная кухня, где уже хлопотал громадного роста фольдфебель Зуй, кашевары и артельщик. Слышались смех, веселые голоса, все внимание людей было обращено на раздачу обеда. Часть уже получила и, сидя, хлебала борщ, закусывая хлебом.

Вдруг из-за поворота дороги и кустов, ее обрамлявших, появилась группа всадников, которая, не возбуждая ничьего внимания, подъезжала к сидевшей роте. Уже не одна такая группа проехала мимо, возвращаясь с маневров.

Оставалось несколько шагов, когда взвод-

ный унтер-офицер, взглянув на всадников, вскочил и не своим голосом заорал «встать, смирно». Подъезжал государь, возвращавшийся с разбора маневров. Остановившись, Он сошел с коня и подошел к вскочившим солдатам. Это был 1-ый взвод роты Его Величества, рослые, белокурые и курносые молодцы.

— Дай-ка, братец, попробовать, — обратился Государь к унтер-офицеру.

Тот поднял стоявший на земле котелок и, поболтав в нем ложкой, подал ложку Государю. Стоявший рядом солдат, из молодых, отрезал ломоть хлеба, отер ладонь о шаровары и на ладони, как на тарелке, поднес Государю, говоря:

— Извольте хлебца, Ваше Императорское Величество.

Государь улыбнулся, взял ложку и хлеб, откусил от ломтя и хлебнул раз, другой, да так и съел ложек десять. Видно и он проголодался. Закусивши, передал ложку и хлеб стоявшему рядом с ним нашему же однополчанину Великому Князю Николаю Николаевичу, тот тоже хлебнул несколько раз, передав в свою очередь ложку и кусок хлеба одному из свитских генералов. Так от содержимого котелка и хлеба почти ничего и не осталось.

— Ну, как вам нравится варка? — спросил Государь у сопровождавших его генералов.

— Чудесно, прекрасная варка, чего еще лучше желать? — поспешили ответить и Великий Князь и генералы.

Громадина фельдфебель Зуй уже был рядом. Видно было, как спешил сюда командир полка, заведывавший хозяйством и г.г. офицеры.

— У вас, генерал, отличная варка, — обратился Государь к командиру полка генералу Герцыку.

— Это вы заведующий хозяйством? — повернулся Государь к полковнику Гештовту.

— Так точно, Ваше Императорское Величество, — отвечал Гештовт (по полковому обычаю называвшийся Яс.).

— Благодарю вас, полковник, отлично кормите людей.

Пожав руку командиру полка и полковнику Гештовту, поклонившись остальным офицерам, Государь сел на коня и, уже сидя в седле, спросил коменданта полка: Ну, а теперь прямо в лагерь? Он знал полковые обычай своей гвардии.

— Так точно, Ваше Величество, прямо в лагерь.

Дело в том, что где бы ни был дан «отбой» некоторые полки шли в лагерь, другие, сделав переход, становились бивуаком и ночевали и в лагерь возвращались на другой день. Так было и на этот раз.

Встав в 4 часа утра, проделав маневр, наш полк, по своему обычаю, после обеда и отдыха, пошел в Красное Село. Переход был не малый, раза три останавливались на привале, подъезжали к ротам кухни и подкармливали людей: два раза размазней, а к утру был готов и чай. Кашеварам работы было не мало, надо было на походе в движении и дрова подкладывать и следить, чтобы каша не перепрела. Утром дошли до лагеря и все сразу завалились спать.

В течении дня подошли полки, возвращав-

шиеся с маневра. Хотя они и останавливались ночевать, но вид имели утомленный. За ними тащили повозки и кухни. А мы были уже дома и могли спать хоть до следующего дня.

Теперь царская ложка стала предметом разговора между ее владельцем унтер-офицером и заведующим полковым музеем капитаном Львом Николаевичем Сапожниковым.

— А что, брат, не отдать ли ты ложку в полковой музей? — спросил Сапожников.

— Виноват, Ваше Высокоблагородие, никак не могу, я эту ложку домой свезу и к иконам положу и дома закажу, чтобы не трогали. Разве можно с ней мне расстаться?

— Правильно, брат, говоришь, так и следуешь, — отвечал Сапожников унтер-офицеру.

A. Редъкин.

К СТОЛЕТИЮ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

1863 — 64 г.г.

«Правительство находится в состоянии изоляции... Армия, единственный магнит, еще удерживающий различные элементы государства в состоянии видимого единства, и главная основа общественного порядка, — начинает колебаться и уже не представляет собой гарантии абсолютной безопасности... В эпоху общественного возбуждения важнее, чем когда либо для правительства, — овладеть социальным движением и стоять во главе социального движения, делающего три четверти истории... Для этого нужна известная смелость в действиях, которая удивляет массы и импонирует им...» (из записки министра внутренних дел П. А. Валуева «О внутреннем состоянии России», от 22 июня 1862 г., врученной шефу жандармов — кн. В. А. Долгорукову).

**

Эти мысли умного, образованного, преданного монархии П. А. Валуева — наилучшим образом оправдывают содержание данной статьи. Далее — постараемся восстановить в памяти настроения интеллигентной молодежи 60-х годов, принявшие особо острые формы после неудач Крымской войны 1853-56 г.г. Тут же необходимо подчеркнуть, что в имперских высших учебных заведениях (как военных, так и гражданских), в армии, и во всех отраслях администрации (особенно в самой Польше) — было очень много поляков, стремившихся к освобождению Польши — несмотря на поражения

продшествовавших восстаний 1795 и 1831 г.г. Революционно настроенная польская молодежь —вольно и невольно сближалась и действовала с революционно объединенной частью русской молодежи.

Уже через два года после восстания декабристов, шеф жандармов гр. А. Х. Бенкендорф доносил Императору Николаю I в отчете за 1828 г.: ... «Молодежь в возрасте от 17 до 28 лет составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные формы... В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева...» Можно предположить, что Бенкендорф, по долгу службы, преувеличивал в данном случае, но либерализм конечно распространялся по всей стране. После событий 1848-49 г.г. и Севастопольской страды — правительство применило ряд ограничительных мер в отношении университетов — которые ответили митингами, окончившимися беспорядками. Крестьянская реформа не удовлетворила либеральные круги; во главе их стояли Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Шелгунов и пр. Учрежденная в 1862 г. комиссия по расследованию дел о революционной пропаганде — доносила: ... «В начале 60-х годов революционная пропаганда лондонских агитаторов была в полном разгаре и успела проникнуть почти во все слои общества...»

Страна покрылась сетью подпольных кружков с «Землей и Волей» во главе. Опубликованные ныне документальные данные (нашему поколению неизвестные), на основании, например, донесения агента III отделения Балашевича, указывают, что общество «Земля и Воля» (насчитывающее несколько сот членов в Петербурге, и около трех тысяч в провинции) «первоначально образовалось в кругу моряков, посещавших Герцена в Лондоне и имело свои собрания в Кронштадтском клубе; к морякам присоединились офицеры сухопутных войск». К этому крупному объединению близко примыкали и тайные польские организации. В итоге образовалось «Общество освобождения Польши и России».

Особенно, в то время, — зажиточная часть польского общества посыпала молодежь обучаться в заграничных университетах (коего в Польше не было), но весь небогатый слой — широкой волной заливал и военные и гражданские высшие учебные заведения России. По данным III отделения за 1861 г., например, в Московском университете обучалось 477 студентов — уроженцев Польши и западных губерний; по вероисповедному признаку их было: католиков — 423, православных — 37, лютеран — 11, иудеев — 5, униат — 1. В Петербургском университете: католиков — 383, православных — 50, лютеран — 11, иудеев — 10. Приблизительно то же самое было в университетах Киевском, Харьковском, Казанском, Дерптском и Военно-Хирургической академии, в Военной Академии, училищах и кадетских корпусах...

Когда, в 1861 г., студенческие беспорядки в Петербурге разразились с особенной силой, шеф жандармов гр. П. А. Шувалов докладывал, что в студенческой толпе были заметны «молодые офицеры», что на набережной группа артиллерийских офицеров кричала в честь бунтующих студентов «ура», а поручик Л. Гв. Конной артиллерии Энгельгардт, возглавляя студентов — медиков и офицеров, отбил у полиции арестованных (студентов и офицеров). В одном из ответных писем Шувалову, Император Александр II писал: «... Безпорядки между студентами — грустны, и еще хуже отголосок на военно-учебные заведения...» В докладе III отделения читаем: «... подобный дух весьма естественно переходит через выпускемых офицеров в войска, через это ослабляется единственная опора государственного порядка.» И еще: «... Офицеры военных академий и стрелковой школы в последнее время обратили на себя внимание своими не только зловредным образом мыслей, но и самими действиями...» В тесной связи с Герценом и Чернышевским и пр. — стояли офицеры Н. Н. Обручев, Н. В. Шелту-

нов, А. А. Потебня, из поляков выделялись — С. Сераковский, Я. В. Домбровский и пр. В это же время имели место выступления офицеров «скопом», как например, 125 слушателей Военно-Инженерной Академии заявили протест против произвола академического начальства, 106 офицеров разных родов оружия петербургского гарнизона — высказались против применения телесных наказаний в армии, отмечено участие офицеров в религиозных процессиях — демонстрациях в Западной части империи (католических), чему удивляться не следует, если понять, что число «местных уроженцев» в частях, расположенных в Польше, — составляло среди офицеров — 35 проц., среди нижних чинов — 40 проц., а железная дорога от Варшавы — почти до Даугавы была всецело в польских руках... даже вывески с названиями станций были на одном только польском языке... Из воспоминаний А. Миловидова (напечатанных в майском выпуске «Историч. Вестника» за 1913 г.) узнаем немало любопытных фактов, касающихся начала восстания 1863-64 г.г.»... Обо всем доносилось начальству устно и письменно, и все таки не было предпринято им мер предупреждения... только этою человеческою склонностью надеяться на лучший исход и привычкою видеть постоянно некоторое (Sic! В. Р.) политическое брожение среди поляков, а также русскими «авось и небось» — можно объяснить, почему восстание застало русских не подготовленными...» «... Какой гомерический смех он (т. е. И. А. Никотин, о чем он сообщает в своих «Записках») вызвал у виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, когда по секрету сообщил ему полученные им от одной польки сведения, что готовится вооруженный мятеж в крае (Северо-Западном, В. Р.) шутя, администратор грозил ему за такие известия посадить в сумасшедший дом...»

А в Польше события развивались трагически и ускоренным темпом; политические и религиозные демонстрации заканчивались убийствами и ранеными... Наконец серьезно заволновалась высшие власти в Петербурге... В разговорах с Валуевым одна из Великих Княгинь выразила по французски следующее предположение: «Если так будет продолжаться дольше — нас здесь не будет через год...» Военный министр Д. А. Милютин нашел нужным предпринять ряд мероприятий, «расчитанных на очищение вооруженных сил от лиц политически неблагонадежных», но серьезной помехой оказалось отсутствие в военном ведомстве специального учета таких лиц». 4-го сентября 1862 г. (т. е. за четыре месяца до начала вооруженного восстания в Польше) Д. А. Милютин шлет в Инспекторский департамент следующую записку: «Секретно. Ведется ли у нас список всех

лиц, подозрительных или выказавших себя с дурной стороны, и о которых производилась секретная переписка? Если такого списка до сих пор не было, то считаю необходимым завести его и теперь же внести в него всех тех, о которых в течение последнего года или двух лет велась секретная переписка. Список этот необходимо иметь всегда под рукою для справок». В итоге инициативы самого военного министра, постепенно, составлены были три, все разбросавшиеся, варианта «Списка»; на последнем из них — базируемся мы, дабы выяснить интересный, с исторической точки зрения, вопрос об офицерах — русских (а не поляках, о коих говорится только вскользь), принимавших косвенное или прямое участие в подготовке польского восстания 1863-64 г.г., или явно перешедших на сторону восставших. В третий вариант «Списка» занесены 219 фамилий, но эта цифра должна была быть больше; около одной трети количества внесенных в «Список», несомненно принадлежит русским (а две трети — полякам); тут мысль останавливается на трех пунктах: 1) да разве была (или есть) где либо армия (или флот), в которой не было бы разнобоя в политических убеждениях? 2) касаясь России — не говоря о декабристах, не следует ли вспомнить о поведении некоторого количества офицеров во время волнений 1904-06 г.г., в эпоху гражданской войны 1917-1921 г.г., и, наконец, количество «неблагонадежных» и пр. офицеров — ничтожно в сравнении с тысячами офицеров, оставшихся верными присяге; это в особенности относится к офицерам полякам.

Участь семи с лишним десятков русских офицеров, причастных к восстанию, становиться рельефной, если мы ее поделим на несколько категорий и будем придерживаться хронологии: 1) В начале 1862 г. была отчасти ликвидирована в Варшаве военно - революционная (смешанная русско-польская) офицерская организация, именовавшаяся «Комитетом русских офицеров в Польше». Участь обнаруженных членов этого Комитета следующая: подпоручик Шлиссельбургского пех. полка А. А. Потебня имел возможность перейти к повстанцам и был убит в бою под Скалой 4 марта 1863 г.; подпоручики 6-го Стрелкового батальона В. И. Фенин и Л. А. Рейнгауптен — скрылись бесследно; подпор. арт. див. Н. И. Краснопевцев перешел к повстанцам, участвовал в боях и покончил жизнь самоубийством за границей в 1865 г.; кап. 6-го Стрелк. бат. И. Т. Голенишев-Кутузов как то избежал суда и был только уволен от службы. 2) 16 июня 1862 г. по приговору военно-полевого суда, в Ново-Георгиевской крепости были расстреляны: поручики 4 Стрелк. б-на П. М. Сливицкий и И. Н. Арнольд, и ун-

тер-офицер Ф. Ростковский. Они тоже были причастны к варшавскому «Комитету», им был предъявлен ряд обвинений — как распространение оскорбительных отзывов о Царствующем доме, призыв солдат к бунту и пр. 3) 24 июня 1862 г., в лагере Повонзках под Варшавой, в присутствии около 50 офицеров, была отслужена, в православной церкви, панихида по расстрелянным 16 июня; по расследовании, были переведены в другие части внутрь империи: 1-ой конной артилл. бригады пор. бар. В. А. Розен; 2 артилл. див.; — прап. Н. П. Антонов, поруч. В. С. Жилинский, прап. С. А. Ключарев, прап. Е. В. Кондырев, прап. Н. Л. Лепковский, пор. А. А. Новосильцев, прап. Отто, прап. Н. И. Ремизов, прап. Н. Л. Сомов, прап. А. А. Утгла, прап. М. Хрущев, прап. М. С. Заляпин, прап. Н. И. Чертов. 4 артилл. див. — поруч. М. И. Андрузский, прап. Петрович, прап. А. А. Плесский, прап. Федоров. — 1-го гренад. стр. бат. — поруч. И. И. Аверкиев; 5-го стрелк. бат. — прап. Аргамаков, порпор. Дорофеев, прап. Марков, прап. Обрицкий; 6-го стрелк. бат. поруч. П. И. Огородников; 7-го стрелк. бат. пор. М. Михайлов; Олонецкого пех. полка поруч. Е. И. Зейн, 4) 6 июля 1862 г., в Боровичах Новгородской губ., по инициативе офицеров Академии Генерального Штаба, тоже была отслужена панихида в православном соборе по тем же расстрелянным: из русских — после суда, ареста, отчисления от Академии, — переведены в Оренбургский корпус: прап. Мингрельского гренад. полка А. Я. Снежко-Блоцкий, поруч. И. Л. Фатеев, Московского гренад. полка; 7-го Стрелк. бат. капит. П. Ф. Лихачев и поручик Ф. Ф. Шредерс; 2 резерв. стр. бат. пор. А. П. Чайковский и 2 гренад. стр. бат. подпор. Фелькнер. 5) в 1861-62 г.г., как не вполне благонадежные и за сочувствие к польским повстанцам, — переведены внутрь империи: подп. И. И. Анфилов, полковник А. А. Бальбеков (был под влиянием жены — польки), прап. Волков (был под влиянием матери — польки), майор А. Г. Герасимов, подпор. И. Дмитриев, полковник Корпуса жандармов К. фон-Зенгбуш (был под влиянием жены — польки), капитан К. Кеппен (был под влиянием жены — польки), пор. Машевский, прап. Морлевинов, подпор. Г. Д. Монастырский Л. Гв. Саперного бат. Н. И. Энгель и пор. Ю. Н. Посников, прап. А. Ф. Трусов. Отстранены от командования за нерешительность в боях с повстанцами: Невского пех. полка майор Афанасьев. Нарвского пех. полка майор П. А. Азовский, подполк. Гренгаген. 6) 9-го декабря 1861 г. около 30 офицеров Черниговского пех. полка, сочувствовавших польским патриотам, устроили в казармах полка вечеринку (и снялись группой); из них: пор. Р. И. Метелицьян, В. А. Машинский, А. Шустерус, три брата

Либек и В. И. Гросманн, по расследовании, были отставлены от службы и переведены внутрь империи. — 7) По той же причине, но за более тяжкие преступления, по суду, — сосланы в Сибирь на каторжные работы на сроки от 4-х до 12-ти лет: пор. Алекопольского пех. п. Боровков, подпор. Л.-гв. Измайлловского полка Григорьев, подполк. Александрийского гус. полка А. А. Красовский, поруч. 4 стрелк. бат. В. Т. Каплинский, юнкер С. И. Кудрявый, пор. 12 артилл. бригады В. С. Князев, пор. 16 стрелк. п. Я. А. Ушаков, шт. кап. Черниговского пех. полка И. Г. Жуков. — 8) В октябре 1863 г. (то есть через 10 месяцев после начала восстания) перешли к полякам через австрийскую границу: капитан Самохвалов, майор Матусевич - Гремучий, пор. Некрасцов и Виленского пех. полка прп. Грушецкий.

**

Немного было до сих пор опубликовано из выше указанного; в связи с наступающим столетием, восточно - европейские архивисты приступили к напряженной работе, тем более, что большая часть польских архивов погибла в Варшаве в начале последней войны, но в России они уцелели. В дореволюционной России (да и в Польше, но по иным причинам) именно эти «подробности» замалчивались. Ради еще большего понимания сложной обстановки этой недолгой эпохи — ниже даем краткие биографии двух офицеров русской армии (русского и поляка), заплативших смертью за свои идеи.

Вышеупомянутый в седьмой категории Андрей Афанасьевич Красовский родился в помещичьей семье Орловской губ. в 1822 г.; по окончании Пажеского корпуса выпущен офицером в С. Петербургский grenadierский полк в 1840 г.; переведясь в кавалерию — он переменил три полка; в рядах Александрийского гусарского полка был ранен в 1854 г.; после долгого отпуска он служит в Кавказском линейном войске; весь 1858 г. он проводит в отпуску за границей, посещая ряд революционных деятелей (Мадзини, Гарибальди и пр.). В 1859 г. он зачисляется опять в Александрийский полк, но с прикомандированием к Пажескому, а затем — к Киевскому кадетскому корпусу (Мечется человек... В. Р.). — В статье «Попытки украинских революционеров организовать помощь польскому восстанию 1863 г.» («Вопросы Истории», 1957) указывается, что к революционно-демократическому движению Красовский примкнул в Петербурге в 1858-1860 г.г. и, будучи преподавателем (чего? В. Р.) в Киевском кадетском корпусе, он уже был «одним из членов, а может быть и руководителем группы украинских революционных демократов»... 17 июня 1862 г., переодевшись в зипун, Красовский распространял в расположении 4-го бат.

Житомирского пех. полка (а по другим источникам — 6-го саперного бат.) рукописные листовки, призываю солдат не стрелять в бунтующих крестьян; фельдфебель, собрав листовки, представил их куда следует; тут же арестовали Красовского; при обыске на его квартире были обнаружены Рылеевские и Герценовские издания, а также «возмутительного содержания» польские стихи. Приговором военно-судной комиссии Киевского Ордонанс-гауза, Красовский был присужден к смертной казни. Император Александр II приговор не утвердил, а «заменил смертную казнь — политической смертью и сослать в каторжную работу в рудниках на 12 лет». — 28 октября 1862 г., на глазах киевского гарнизона, над Красовским был выполнен обряд «политической казни»; во избежание сочувственных студенческих демонстраций его вывезли из Киева тайком; он оставил трех детей (двух девочек — 12 и 5 лет, и мальчика 11 лет; узнав о приговоре, его жена сошла с ума). Красовский отбывал каторгу вместе с Н. Г. Чернышевским, И. Г. Жуковым и др. на Александровском заводе Нерчинского округа. — 29 мая 1868 г. он оттуда бежит, намереваясь достигнуть Китая, но, потеряв ночью пальто с планом дороги и решив, что теперь его найдут, — он покончил самоубийством.

**

Как известно, после этого восстания доступ в Академию Генерального Штаба был полякам (католикам, но не других вероисповеданий) отрезан. Не один капитан Ген. Штаба Серафовский ушел возглавлять повстанцев, но его краткая биография заслуживает особого внимания. Родился он в Волынской губ. в 1826 г.; в 1843 окончил с отличием Житомирскую гимназию; в 1848 г., будучи студентом Петербургского университета, где он всецело окунулся в революционно-освободительное движение, он сделал попытку нелегально уйти за границу, за что, под давлением III отделения, он был определен солдатом в Оренбургский корпус, где близко сошелся с Шевченко и другими «политическими». После смерти Императора Николая I, по праву амнистии, он проходит в офицеры и тотчас подает рапорт о желании поступить в Академию Ген. Штаба; не имея достаточно строевого стажа, он переводится в Образцовый Кавалерийский полк (Павловск), а затем в штаб Гвардейского корпуса (возглавляя, как и раньше, крайнее крыло революционно-освободительного движения!). По окончании Академии в 1859 г., он специализировался в военно-уголовном законодательстве и вскоре становится авторитетом в Военном министерстве; в этот период 106 офицеров подписывают коллективный протест (напечатанный в «Северной Пчеле») против телесных на-

казаний в армии. Сераковский ознакомливается с положением в военно-арестантских ротах, расположенных на западных границах империи, в которых было много поляков, используя эти командировки «для связи с подпольными революционными организациями»; он дважды командируется за границу, по своей специальности, благодаря чему он не только упрочивает свое положение среди заграничных русских и польских революционеров, преимущественно в Лондоне и Париже, но решением революционного польского центрального национального комитета, на заседаниях которого он присутствовал проездом через Варшаву, он назначается «Жмудским воеводой» или возглавителем восстания на Литве. В Петербург он возвращается в декабре 1862 г., а уже в марте 1863 г. он открыто уезжает в Вильно и становится во главе, вверенного ему, крупного отряда повстанцев в районе Ковно; в конце апреля отряд

был разбит. Сераковский, тяжело раненый, взят в плен и по приговору военно-полевого суда, казнен в Вильне 15 июня 1863 года. Последними изысканиями доказано, что Сераковский был исключен из списков офицеров Генерального Штаба только 5 мая 1863 г., после того, как донесение о его плениении генералом Ганецким... дошло до военного министра!

Владимир фон-Рихтер.

*) В ответ на мою просьбу, делиться со мною данными, касающимися этой статьи, один из друзей-поляков только что сообщил мне ниже следующее: странствуя недавно по Краковско-Ченстоховскому району, я наткнулся, в Пласковой Скале около 25 км от Кракова, на могилу русского офицера А. А. Потебни, сражавшегося в рядах польских повстанцев и убитого в стычке с русским отрядом; могильная плита с надписью положена сравнительно не давно, уже после последней войны.

Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина в Париже

Во вторник, 27 марта 1927 года, в Париже в зале Галлиполийского Союза, генерал Головин прочел вступительную лекцию о «Военной доктрине» и этим положил начало Военно-Научным Курсам.

Великий Князь Николай Николаевич очень интересовался вопросом открытия этих курсов и дал денежные средства, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. До того, в продолжение четырех лет, в устроенных кружках военного самообразования, производилась подготовка кадра руководителей будущих курсов. Уже эта предварительная мера указывала на то, на сколько серьезно смотрели на это дело Вел. Кн. Николай Николаевич и ген. Головин.

Базой для обучения должен был служить научный труд ген. Головина «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы», который был им написан при непосредственном участии Вел. Кн. Николая Николаевича.

Приток слушателей, желавших расширить свой кругозор, освежить свои знания и ознакомиться с современным военным делом, был велик. Имя ген. Головина, признанного военно-научного авторитета, также говорило много. В зависимости от предшествовавшей военной подготовки, слушатели были распределены по шести группам: первые три группы состояли из кадровых офицеров, в четвертой и пятой были офицеры производства военного времени, а

в шестой группе — офицеры, произведенные в гражданской войне.

Первоначальное число слушателей было около 120 человек (четвертая группа состояла из 17 офицеров).

Каждый вторник, в продолжении двух часов (от 21 до 23 часов) читались лекции по современной тактике главных родов оружия, военно-инженерному делу, военной психологии (последние были прочитаны ген. П. Н. Красновым при переполненном зале) и военной географии.

В мае начались, по отдельным группам, практические занятия (по четвергам и пятницам), которые также продолжались два часа. На этих практических занятиях разбирались вопросы по тактике главных родов войск, по полевому военно-инженерному делу, а затем по общей тактике. Лекции читались и практические занятия производились по методу, разработанному ген. Головиным. В августе и сентябре слушателям были разданы письменные задачи по тактике пехоты, кавалерии и артиллерии.

В феврале 1928 года, по группам, начались практические занятия по общей тактике, под руководством полк. Зайцова. Примером служили действия нашей 2-ой пех. дивизии в августе 1914 года, во время Самсоновской операции. 14-го февраля ген. Головин прочел вступительную лекцию «Служба Генерального Штаба». В

далнейшем, ряд лекций по службе ген. штаба и по службе тыла и снабжения прочел генерал-майор Алексеев.

В воскресенье, 25 марта, по случаю первой годовщины существования курсов, в зале Галлиполийского Союза, был устроен обед для гостей, руководителей и слушателей курсов. Присутствовали генералы Баратов, Богаевский, Кутепов и др. и был произнесен ряд речей.

Начиная с июня месяца, на курсах начались репетиции по устройству вооруженных сил (на основании книги ген. Головина «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы»), по тактике пехоты, кавалерии, артиллерии, воздушных войск и полевому военно-инженерному делу и военной химии. К тому времени заботами курсов были выпущены литографированные лекции по тактике соответствующих родов войск. По этим трудам слушатели готовились к репетициям. Этим повторялся пройденный курс. Репетиции производились в заранее назначенные дни с 21 до 23 часов. За день репетиции успевали спросить 8 слушателей. Ассистентами на репетиции были старые офицеры генерального штаба. В октябре состоялась последняя репетиция по общей тактике.

1-го ноября 1928 года состоялся перевод 42 слушателей, успешно прошедших курс, в старший класс. Таким образом, курс младшего класса продолжался 1 год 7 месяцев.

Ввиду успеха курсов, а также притока слушателей, желавших получить высшее военное образование, Вел. Кн. Николай Николаевич переименовал курсы, которые получили наименование — «Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы Ген. Головина». Был объявлен прием новых слушателей в младший класс. Лекции по вторникам, совместно для младшего и старшего классов продолжались своим порядком дальше: ген. Головин «Стратегия», лекции «Служба Ген. Штаба» читались генералами Головиным и Рябиковым (работа разведывательного отделения), полк. Зайцовым «Высшая тактика», ген. Доманевским «История войны 1914-1918 г.г.», полк. Зайцовым «История военного искусства» («Гражданская война С.А.С.Ш. 1861-65 г.г.»), проф. Нольде «Война и международное право», проф. Бернацким «Война и экономическая жизнь страны», ген. Ставицким «Военно-инженерная оборона государства», полк. Трикоза «Служба радиотелеграфа», ген. Алексеевым «Служба тыла и сообщений».

Уже из одного только перечисления дисциплин видно насколько был расширен объем курса. Для младшего класса были готовы литографированные лекции. Дни практических занятий (четверги и пятницы) были посвящены

«Военной игре» (всего 25 дней). Руководил военной игрой полк. Зайцов. Игра была двухсторонней. Были назначены посредники для сторон. Был взят пример из битвы на Марне в августе 1914 года. Он был основательно разобран в продолжении 50 часов занятий. На основании карты, была произведена оценка местности, были отданы предварительные распоряжения, разведкой были определены силы противной стороны, на карте были отмечены как свои войска, так и предполагаемые силы противника, были отданы приказы для походного движения и при первом столкновении с противником.

В дальнейшем, слушателям старшего класса были розданы письменные задачи по Высшей тактике на дивизию и была произведена репетиция по Высшей тактике. В марте 1930 года слушателям старшего класса было предложено выбрать тему для выпускной письменной работы (темы были вывешены на черной доске). Автор статьи, с разрешения и одобрения ген. Головина, взял собственную, им предложенную, тему — «Действия полевой артиллерии в гражданскую войну». По этому поводу ген. Головин сказал: «Чем больше вас тема интересует, тем лучше».

23-го марта, по случаю третьей годовщины существования курсов, в зале Галлиполийского Собрания был устроен обед.

В понедельник, 28-го апреля, в Галлиполийском Союзе состоялась публичная защита диссертации полк. Зайцова относительно его труда «Общая тактика». Зал был переполнен. Оппонентами были генералы Рябиков и Геруа. Председательствовал профессор Анциферов. Звание экстраординарного профессора было присуждено полк. Зайцову единогласно.

В июне слушателям старшего класса были розданы новые задачи по Высшей тактике, на этот раз на корпус. Решение этой задачи потребовало большого труда и времени. На карте нужно было опознать местность, оценить обстановку и написать соответствующие приказы и приказания.

В августе полк. Пятницкий начал вести семинар «Галицийская битва 1914 г.». Таких семинаров было произведено 11.

28 октября 1930 года состоялся приказ о переводе в дополнительный класс 45 слушателей. Таким образом, курс старшего класса продолжался два года.

31 октября была устроена «чашка чая» по случаю возвращения ген. Головина из С.А.С.Ш., где он прочел ряд лекций.

В дополнительном классе был произведен разбор по Высшей тактике на корпус и начались подготовительные занятия к испытанию по стратегии. Лекции по вторникам читались

далъше, при этом полк. Зайцов читал «Служба Генерального Штаба» (7 лекций), генерал Ставицкий — «Современная оборона государственной границы», «Устройство современного флота и береговой обороны», «Служба железнодорожных войск», проф. Бернацкий — «Современная экономика», полк. Пятницкий — «Служба связи».

В январе-феврале 1931 года происходили на дополнительном классе выпускные испытания по стратегии. Каждый слушатель должен был сделать доклад на заданную тему в продолжении 20 минут. Ген. Головин при этом подчеркивал, что офицер ген. штаба должен уметь ограничить время своего доклада. Ассистентами на испытаниях были приглашенные полковники и генералы генерального штаба. В это время выпускные сочинения постепенно сдавались слушателями и просматривались соответствующими руководителями, например, по артиллерии — генералом Виноградским. Кроме того, их читал ген. Головин и делал соответствующую отметку.

26-го марта 1932 года, то есть пять лет после открытия «З.В.В.К. ген. Головина», состоя-

ялся первый выпуск слушателей. Эта церемония была проведена торжественно, хотя и в скромной обстановке. Генерал Миллер лично поздравил каждого окончившего курс и вручал свидетельство и нагрудный знак курсов. Знак курсов был знаком Императорской Николаевской Военной Академии в миниатюре, но с вензелем Великого Князя Николая Николаевича, как Августейшего Основателя курсов. Кончили 1-ый выпуск 23 офицера. 8 офицеров к тому времени не успели сдать свои письменные сочинения (не надо забывать, что все, в то же время, работали и часто тяжело). Из списка, напечатанного в памятке ген. Шуберского, видно, что 4 офицера сдали сочинения, а четыре не сдали (из них трое умерли). Вообще смертность среди слушателей была сравнительно большая. Упомянем при этом: полк. Каншина, шт.-кап. Концедалова, полк. Щеглова, полк. Самуэлова, шт. ротм. Юзвинского, ст. лейт. Помаскина, подъесаула Славина, ген. Пешня, подполк. Песчаникова, убитого в Испании ген. майора Фока и др.

Н. Н. Р.

(Окончание следует)

«КОТ»

(Из Туркестанских былей).

Когда соберутся два туркестанца, даже мало знакомые, то всегда найдется общий язык и общие воспоминания об этом, действительно чудном, крае. И их уже не разнять и они делаются, (как глухари на току во время своей любовной песни), глухи ко всему, творящемуся вокруг них.

Но в особенности я любил, когда удавалось мне побывать в усадьбе «Тула», под Парижем, у гостеприимнейшего и симпатичнейшего «дяди» Кости и послушать его увлекательные и талантливые рассказы о Туркестане. Рассказчик, что и говорить, он отличный. Туркестан любил и поехал туда служить молодым, именно, из-за любви к Краю, начитавшись романов писателя-художника Каразина о нем.

В последний мой приезд в «Тулу», «дядя Костя» мне рассказал несколько эпизодов из туркестанской жизни. Они мне так понравились, что решил их записать, благо добрейший «дядя Костя» ничего не имел против. Вот один из них:

На стыке трех государств: России, Персии

и Афганистана, протекала речка, с русской стороны называемая «Таджент», а с персидской: «Геррут». По преданию, во времена Александра Македонского, через эту речку, влюбленной в него красавицей, персидской принцессой «Пуль-Ханум» (пуль — деньги, ханум — женщина) был построен мост, чтобы Александру Македонскому было проще приезжать к ней на свидания.

Речка Таджент не совсем обыкновенная и очень капризная — уходя в пустыню, она протекает то по гребням курганов, то вдруг исчезает совсем под землею и только в некоторых местах смачивает песок, то снова дальше появляется речкой. Приблизительно верстах в трех от моста, находился пост «Серакс». Дело проходило больше чем полвека тому назад. Стоял там стрелковый батальон 5-го Закаспийского полка имени генерала Скобелева, 2-го Туркестанского корпуса. Заброшенный в песках, Серакский пост отстоял в ста двадцати верстах от станции железной дороги «Таджент», Мервского Оазиса. Нудная и тоскливая это была

стоянка и офицеры очень неохотно туда шли служить. Из кадрового состава офицерского в двадцать четыре-пять человек, больше половины, были произведены из солдат, участников Скобелевского похода.

При батальоне находилась конно - разведочная команда, заменившая кавалерийскую честь. Эта команда была в то же время и охотничьей командой. Чтобы заменять поднадоевшую баранину, команда часто уходила на охоту и убитую дичь поставляла для котла. Офицеры, да и солдаты, в батальоне и в разведывательной команде были первоклассными стрелками. Им ничего не стоило на четыреста шагов отбить горлышко от бутылки с лимонадом, выпустив в воздух фонтан газовой воды. На охоте обычно стреляли в шею, чтобы не испортить туловища. Вооружены солдаты были в то время «Берданками». Офицеры, ради развлечения, часто ходили в степь и стреляли водяющихся там в большом количестве «Зем-Зем» (закаспийское название сухопутного крокодила) или «козодой». В других областях Края он называется «Ички-Мер». Частенько устраивались большие охоты на разную дичь.

И вот, однажды, конно-разведывательная команда отправляется на одну из таких охот. К ней присоединяются все, кому было не лень. Поохотились удачно с раннего утра, к полудню остановились бивуаком: закусить, подремать и жару невыносимую переждать. Днем, в тех местах, солнце жжет беспощадно.

Не спится только одному новобранцу Иванову и просит он разрешения у начальства пойти «утей» пострелять.

— Иди, говорит ему начальник, только далеко не заходи, а то тут тигры водятся.

«Тигры», — думает новобранец, недавно сравнительно прибывший из России, «эфто что за штука такая?». Уходит.

Под вечер, команда поднялась уходить. Заметили отсутствие Иванова и забеспокоились, так как он часов шесть как отсутствовал. Начальник начинает расспрашивать людей, не видел ли его кто?

— Видеть не видел, отвечает один солда-

тик, а вот часа два тому назад выстрел слышал в направлении реки. — Еще больше забеспокоились все. Уж не случилось ли чего с новобранцем Ивановым?! Решили его поискать. Рассыпались цепью и двинулись. Довольно далеко от бивуака видят идет им навстречу Иванов. Еле плется, вид изможденный, усталый. На поясе болтается несколько диких уток.

— Да что с тобой? — спрашивают, чуть ли не хором, все.

— Запарился я волоча вот кота то, уж очено он тяжелый.

— Какой кот? — спрашивают Иванова.

— А вот идемте, тут не далече, да кстати подсобите мне яво ташить.

— Ты стрелял? — спрашивают новобранца.

— Да, стрелял по эфтуому то значит коту то!

Приводят Иванов охотников к камышам и показывает им огромного красавца, мертвого королевского тигра.

— Как это ты его убил? — спрашивает начальник.

— А очено даже просто. Иду это я, да утей постреливаю, решил уже возвращаться, так как больно уж далече забрался. Иду камышем мелким и слышу сзади меня шуршит да шуршит эф тот самый камыш, обрачиваюсь — вижу кот большущий притулился к земле и гляди вот сейчас сиганет... я, значит, берданку то вскинул, да в глаз коту то и пальнул. А он и окачурился! Ох, и тяжело было его волочить то! Потащу чуть, да и отдохнью. Да умрился, бросил яво и пошел к вам за подмогой.

— Да знаешь ли ты, что за «кота» ты убил? Это ведь тигр! — говорит ему начальник.

Узнав это, новобранец Иванов позеленел и... сомлел, — понял только теперь, что за кота он убил.

А знай Иванов, что это был тигр, пожалуй бы так спокойно не пальнул бы в глазок «коту».

Князь А. Искандер.

Вопросы и ответы

1) На праздновании столетнего юбилея Первого кадетского корпуса, в 1832 году, во время Высочайшего завтрака, оркестр играл «Кадетский марш», сохранившийся со времен Императрицы Анны Иоанновны. Не знает ли кто-нибудь — что это за марш?

2) В имеющейся выйти из печати книге иллюстраций к истории лейб-гвардии Конного полка, имеется фотография: офицер полка в дворцовой караульной парадной форме: супр-вест, краги, каска с орлом, ботфорты, палаш — держит обнаженный палаш в левой руке. Фотография напечатана совершенно правильно. Кто может дать объяснение этому приему?

3) В православной церкви, в Бостоне (С.А.С.Ш.) хранится некий стяг, неизвестного происхождения, переданный в храм на хранение офицером, впоследствии умершим. В редакцию обратились с просьбой выяснить штандарт-ли это и какого полка? Было прислано две цветных фотографии. На розыски получен следующий ответ:

В ответ на твой запрос, сообщаю тебе сведения о событии, непосредственным участником которого я был.

В феврале-марте 1920 года, в г. Кисловодске был сформирован 2-й дивизион 13 гусар. Нарвского полка, в составе двух конных эскадронов и одного пулеметного. Командовал дивизионом ротм. Николай Флавицкий, кадровый офицер Нарвского полка. Туда, после тифа, прибыл из госпиталя и я и вступил в командование 3-м эскадроном. По желанию командаира дивизиона, был, при помощи наших полковых дам, изготовлен дивизионный значек, с изображением на нем эмблем полка, то есть полкового герба: краповый крест на белом поле, с двумя незабудками в верхней части, обращенными цветком друг к другу и гербом города Нарвы на груди Петровского орла, увенчанного дрорянской короной. На значке были вышиты годы 1705-1920, вензеля Императоров Петра I и Николая II и девиз — «имя Твое в сердце моем». На обратной стороне, мною, был нарисован образ Нерукотворного Спасителя. Рисунок был гуашью по атласу и зафиксирован лаком. Образ был точной копией со старинного Спаса в Федоровском Государевом Соборе. Поверх иконы, была сделана надпись «С нами Бог».

Этот значек, при смотре и параде был включен дивизиону. Командующим частями Добровольческой армии в районе Пятигорска, гене-

ралом Неводовским. Он был прикреплен к бамбуковой пике и возился перед дивизионом. Совершил он переход от Минеральных Вод до Туапсе, при отступлении по Военно-Грузинской дороге и прибыл с остатками Нарвского гусарского дивизиона в г. Керчь.

Почести, полагающиеся полковому штандарту, ему никогда не отдавались. Это был просто значек, подобный флюгаркам на пиках русской конницы, имевшим назначение — обозначать часть.

При эвакуации, в Галлиполи, значек этот был взят самовольно, без разрешения старших офицеров полка, прикомандированным к полку поручиком Николаем Садовниковым и увезен им, по имевшимся сведениям, в Америку.

Еще раз подтверждаю, что значек этот никогда не был полковым штандартом.

Желательно было бы передать этот значек в русский военный музей в Лос-Анжелосе, фотографии же, присланные тебе, прошу хранить в музее-архиве Общ-Кадетского Объединения во Франции, вместе с имеющимися уже там фотографиями и краткой историей полка, напечатанной в свое время в № 14 журнала «Военная Быль».

13 гусарского Нарвского полка
ротмистр Глеб Байков

4) В ответ на вопрос Н. Витте о происхождении Сузdalского и Вятского полков, получен следующий ответ:

Вятский полк, который дрался в Семилетнюю войну, старый Петровский полк, который в 1833 году присоединен был к Сузdalскому пехотному полку. С новым Вятским полком он ничего общего не имел. Трубы Вятского полка перешли к Сузdalскому.

С. Андоленко

ОТ РЕДАКЦИИ.

В № 52 нашего журнала, в заметку К. фон-Розеншильд-Паулина «По поводу статьи А. Левицкого — Старые полки конницы», вкраилась досадная опечатка, в значительной степени искажающая весь смысл заметки. На строчке 4-й, следует читать 1691 вместо 1651.

Принося Константину Николаевичу наши извинения, мы просим читателей исправить ошибку.

Систематический указатель журнала « Всенная Быль »

(Продолжение)
№№ 31 — 50

- Отдел I Птенцы Императорской России — кадеты.
- Общее**
- К столетию со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича. № 33 — 1958 г. стр. 1
- Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович. № 33 — 1958 г. стр. 1
- Кадетские журналы № 49 — 1960 г. стр. 19
- Кадет — № 50 стр. 46
- Первый кадетский корпус**
- Граф Ангальт — № 36 1959 г. стр. 25
- Кадет Первого кадетского корпуса № 37 1959 г. стр. 24
- Посещение корпуса Императором Александром III № 41 1960 г. стр. 15
- Кадет Первого кадетского корпуса — № 46 1961 г. стр. 31
- Список первых кадет корпуса — № 47 1961 г. стр. 14
- 2 кадетский Императора Петра Великого корпус**
- 2 кадетский Императора Великого корпус — № 43 1960 г. стр. 12
- Корпус Императора Александра II**
- Кадетская охота — № 36 1959 г. стр. 18
- Юбилейные экскурсии по России — № 38 1959 г. стр. 19
- Манежная езда и конный праздник — № 40 1960 г. стр. 20
- Корпусной лазарет — № 41 1960 г. стр. 20
- Владикавказский кадетский корпус**
- Светлой памяти директора корпуса ген. майора Российского — № 32 1958 г. стр. 24
- На войну — № 36 1959 г. стр. 9
- Фосфор — № 41 1950 г. стр. 22
- Суббота во Владикавказском корпусе — № 42 1960 г. стр. 20
- Владимирский Киевский кадетский корпус**
- Неудачная разведка — № 49 1961 г. стр. 42
- Лагерь строевой роты — № 49 1961 г. стр. 8, № 50 1961 г. стр. 5
- Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус**
- Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус — № 38 1959 г. стр. 11
- Одесский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус**
- Корпусной праздник — № 50 1961 г. стр. 11
- Оренбургский Неплюевский кадетский корпус**
- Оренбургский Неплюевский кадетский корпус — № 45 1960 г. стр. 10 и № 46 1961 г. стр. 12
- Петровский Полтавский кадетский корпус**
- Из музея — № 31 1958 г. стр. 29
- Три времени года в четырех стенах — № 32, 33 1958 г. стр. 7 и 8; № 34-38 1959 г. стр. 8, 2, 5, 11, 7
- Лазаретные воспоминания — № 36 1961 г. стр. 17
- 1 Сибирский Императора Александра I кадетский корпус**
- Эвакуация корпуса из Омска — № 32 1958 г. стр. 13
- Симбирский кадетский корпус**
- Три знамени — № 40 1960 г. стр. 1
- К статье «Три знамени» — № 48 1961 г. стр. 29
- Суворовский кадетский корпус**
- Пуговица — № 47 1961 г. стр. 29
- Сумской кадетский корпус**
- Авиаторы — № 36 1959 г. стр. 16
- Ярославский кадетский корпус**
- Пиротехники — № 49 1961 г. стр. 43
- 1-й Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус**
- Последний приезд Главнокомандующего — № 47 1961 г. стр. 16
- Отдел II Соколиные гнезда — юнкера.
- Общее**
- Неожиданная встреча — № 41 1960 г. стр. 18
- Александровское Военное училище**
- Первый ускоренный выпуск — № 48 1961 г. стр. 12
- Алексеевское Военное училище**
- Отрывки из воспоминаний бывшего алексеевца — № 41 1960 г. стр. 17
- Иркутское Военное училище** — № № 46 и 47 1961 г. стр. 1 и 6
- Николаевское Кавалерийское училище**
- Пушка — № 40 1960 г. стр. 13
- Послесловие к статье «Пушка» — № 42 1960 г. стр. 23
- Последний отпуск — № 44 1960 г. стр. 22
- По поводу статьи «Последний отпуск» — № 45 1960 г. стр. 19
- «Пушка» — Почтовый Ящик — № 46 1961 г. стр. 31
- Еще маленько воспоминание из нашего прошлого — № 48 1961 г. стр. 32
- Тверское Кавалерийское училище**
- Тверцы — № 35 1959 г. стр. 10
- Михайловское Артиллерийское училище**
- Пушка — № 40 1959 г. стр. 13
- Послесловие к статье «Пушка» — № 42 1960 г. стр. 23
- Николаевское Инженерное училище**

- Инженерный замок и его легенды — № 32
1958 г. стр. 11
- Морское Инженерное училище Императора Николая I**
- Практическое плавание 1909-13 гг. — № 32
1958 г. стр. 22
 - К 160-летию его основания — № 33 1958 г.
стр. 23
- Школа Императора Александра II**
- В Школе Императора Александра II — № 40
1960 г. стр. 23
 - Отдел III Императорские орлы — Гвардия лейб-гв. Преображенский полк
 - Три друга — № 39 1959 г. стр. 1
 - лейб-гв. Павловский полк
 - Могила павловцев — № 34 1959 г. стр. 24
 - Караул в Зимнем Дворце — №№ 43 и 44 1960 г. стр. 10 и 4
 - На огонек — № 47 1961 г. стр. 4
 - Похороны — № 48 1961 г. стр. 14
 - Норвежская треска и русская головизна — № 50 1961 г. стр. 39
- лейб-гв. Кексгольмский полк
- К 250-летию основания полка — № 45 1960 г.
стр. 22
- лейб-гв. 1-й Стрелковый Его Величества полк
- На Стоходе — № 47 1961 г. стр. 1
- Кавалергардский Е. И. В. Государыни Императрицы Марии Федоровны полк**
- Ночь после Каушенского боя — № 42 1960 г.
стр. 5
 - Еще о Каушенском бою — №№ 45 и 48 1960 и 1961 г.г. стр. 12 и 22
 - Случай на берегу Пилицы — № 50 1961 г.
стр. 33
 - Пилица — № 47 1961 г. стр. 28
- лейб-гв. Конный полк
- Неудачная разведка — № 49 1961 г. стр. 42
- лейб-гв. Драгунский полк
- Полковой праздник — № 35 1959 г. стр. 23
 - Мы с барином... — № 43 1960 г. стр. 25
- лейб-гв. Гродненский гусарский полк
- Кое-что о Скобелеве — № 47 1961 г. стр. 22
- лейб-гв. Казачий Его Величества полк
- На Лемносе — №№ 47 и 48 1961 г. стр. 11 и 2
- Гвардейский Запасный Кавалерийский полк**
- Чутье — № 49 1961 г. стр. 32
 - Отдел IV Оплот Государства Российского — Императорская Армия
- Общее — пехота**
- Пехота — № 32 1958 г. стр. 27
 - Сибирские стрелки — № 34 1959 г. стр. 13
 - Бой Финляндских стрелков 19/9 1914 г. — № 40 1960 г. стр. 10
 - Русские второочередные дивизии в войну 14-17 г.г. — № 44 1960 г. стр. 15
- 3 гренадерский Перновский полк**
- Из гренадерской летописи — № 43 1960 г.
стр. 25
- 6 гренадерский Таврический полк**
- Знамя Таврических гренадер в плена у Голландии — № 49 1961 г. стр. 41
- 11 гренадерский Фанагорийский Ген. Фельдм. Князя Суворова полк**
- Фанагорийские гренадеры — № 32 1958 г.
стр. 21
- 12 гренадерский Астраханский Императора Александра III полк**
- Унтер Максимов — № 49 1961 г. стр. 11
- 1 пехотный Невский Короля Эллинов полк**
- 1 пехот. Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 г. — №№ 35, 36, 37, 38 и 39 1959 г.
- 40 пехотный Колыванский полк**
- Из боевой жизни 40 пех. Колыванского полка — № 41 1960 г. стр. 8
- 45 пехотный Азовский полк**
- 45 пех. Азовский полк в 1914 г. — № 42 1960 г. стр. 14
- 68 лейб-пехотный Бородинский полк**
- Замостье 1904-1910 г.г. — № 34 1959 г. стр. 21
- 70 пехотный Рязанский полк**
- Пилица — № 47 1961 г. стр. 28
- 83 пехотный Самурский полк**
- 52 года тому назад — № 39 1959 г. стр. 18
 - По поводу статьи «52 года назад» — № 48 1961 г. стр. 31
- 108 пехотный Саратовский полк**
- Три рапорта — № 41 1960 г. стр. 10
- Общее — кавалерия**
- Пустой случай — № 31 1958 г. стр. 24
 - Спортивные заметки — №№ 35, 37 и 38 1959.
 - О происхождении русских улан — № 37 1959 г. стр. 24
 - Спортивные воспоминания — № 43 1960 г. стр. 18
 - Воспоминания старого кавалериста — № 43, 46 и 47 1960 и 1961 г.г.
 - По поводу статьи «Спортивные воспоминания» — № 46 1961 г. стр. 30
 - Поместная конница России — № 45 1960 г. стр. 16
 - Гессенский марш — № 46 1961 г. стр. 30
 - Корнет Пуговицников — № 47 1961 г. стр. 29
 - К заметке «Страшные удары» — № 44 1961 г. стр. 30
 - Старые полки конницы — № 50 1961 г. стр. 44

(Продолжение следует)

Е. Л. Янковский

Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом

(Продолжение)

- «КАЗАЧИЙ АЛЬМАНАХ» изд. Париж 939 г. 700 экземп. издание Кружка казаков-литераторов. Редакц. коллегия: Гусев, Крюков и Николай Туроверов. 132 стр. больш. формата с иллюстр. на отдельн. листах.
- «КАЗАЧЬИ ПЕСНИ» — Сборник первый. Казачья Библиотека №8. Изд. журнала «На казачьем посту». Издан где-то в Германии. Обложка рис. худож. В. Д. Ткачева. 48. стр. год издания не указан.
- Кап. КАМЕНСКИЙ В. А. — Лейб-егеря в войне 1914-17 гг. Собрание документов. Париж 954 г. 218 стр. на ротаторе. 24 фотографии. 2 карты. 69 цветных схем.
- кап. 2 р. КАРПОВ Б. В. — Краткий очерк действий Белого флота в Азовском море в 1920 г. На ротаторе. Безплатное приложение к №12 «Морского Журнала» за декабрь 1929 г. 30 стр.
- КЕЛЬЧЕВСКИЙ А. К. — Думенко и Буденний. Роль, значение и тактические приемы конницы в Русской гражданской войне. «История конницы — история ее начальников». изд. автора. Константинополь 28 июня 1920 г. 16 стр.
- КЕРСНОВСКИЙ, А. А. — История Русской армии. изд. «Царского Вестника». Белград 933 г. тип. «Слово» в 4-х том. ч. I — От Нарвы до Парижа (1700-1814) 256 стр. ч. II — От Парижа до покорения Средней Азии (1814-1881) изд. Белград 934 г. 234 стр. ч. III — 1881-1915 гг. изд. Белград 935 г. 264 стр. ч. IV — 1915-1917 гг. изд. Белград 938 г. 266 стр.
- — Философия войны. изд. «Царского Вестника» Белград 939 г. 96 стр.
- ; — Мировая война (краткий очерк) к 25-летию объявления войны (1914-1939) изд. «Царского Вестника» Белград 939 г. 16 стр.
- КИРАСИРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 1902-14 гг. Последние годы мирного времени. 186 стр. 7 листов иллюстр. изд. Нью-Йорк. Несколько авторов.
- КИРДЕЦОВ Г. — У ворот Петрограда (1919-1920) изд. Берлин 921 г. 356 стр.
- Ген. Штаба ген. лейт. КЛЕРЖЕ Г. И. — Революция и гражданская война. Личные воспоминания. ч. I Мукден 932 г. 204 стр.
- ЕВГЕНИЙ КЛЕША — 22 Мортирный и др. рассказы изд. Рига 102 стр.
- КНОРРИНГ — Сфаят. Очерки из жизни Морского корпуса в Бизерте. Изд. «Иллюстрир. России» Париж 935 г. 204 стр. (книга вышла в виде приложения к журналу).
- — Генерал Скобелев изд. журнала «Иллюстр. России» в двух книгах. 280 стр.
- Полковник В. Ф. КОЗЛЯНИНОВ — Юбилейная памятка конно-гвардейца. 1730-1930 и 1706-1931. Издание Великого Князя Дмитрия Павловича. Париж 1931 г. 87 стр. издания «люкс» на толстой бумаге с массой фотограф. и иллюстраций. Отпечатана в количестве 500 экземп. и не поступила в продажу.
- А. В. КОЗЬМИН — Кавказская Гренадерская артиллерийская бригада в войну 1914-17 гг. 32 стр. с иллюстрациями.
- полк. Ген. Штаба КОЛЕСНИКОВ — Суворов. Военно-исторический очерк с рис., портретами и пятью картами кампаний. Изд. Малык и Камкин, Шанхай 1932 г. 142 стр.
- «КОЛЫБЕЛЬ ФЛОТА» Навигацкая Школа. Морской Корпус. К 250-летию основания Школы математических и навигацких наук. 1701-1951 гг. Издание Всезарубежного Объединения Морских Организаций. Париж 1951 г. 328 стр. со многими фотографиями. Заруб. Рус. Морск. Биб. № 74.
- КОРНИЛОВСКИЙ УДАРНЫЙ ПОЛК — 226 стр. со мн. фотограф. Париж 1936 г. Книга составлена М. А. Критским.
- КОТОМКИН А. — О чехословацких легионах в России (1918-1920). Изд. Белград 1925 г. 282 стр.
- КРАСНОВ, Петр Николаевич, ген. от кавал. — На рубеже Китая. Изд. Союза Рус. воен. инв. 1939 г. 122 стр.
- — Накануне войны. Изд. Союза Рус. воен. инв., 1939 г. 60 стр.
- — Павлоны. Изд. Союза Рус. воен. инв. 1943 г. 95 стр.
- — С Ермаком на Сибирь. Изд. Сиальской, 188 стр.
- — Мантык, охотник на львов. Повесть для юношества. С иллюстр. 320 стр.
- — От двуглавого орла к красному знамени. Роман в 4-х кн. Было три издания. Два у Дьяковой в Берлине и одно в Риге. Переведен на 12 языков.
- — Опавшие листья. Изд. «Медный всадник». Берлин, 496 стр.
- — Понять — простить, то-же, 546 стр.
- — «Ларго», роман изд. Сиальской, 508 стр.
- — Выпашь. Роман 1931 г. 571 стр., изд. Сиальской.
- — Подвиг. Роман в двух кн. 545 стр., изд. Сиальской.

- ” — Цареубийцы. Роман, 392 стр., изд. Си-
яльской.
- ” — С нами Бог. Роман в двух кн., изд. «Мед-
ный Всадник» 1927 г. 810 стр.
- ” — Домой. Роман изд. Силяльской 1936 г. 268
стр.
- ” — Белая свитка. Роман издание «Медный
Всадник» 1928 г. 360 стр.
- ” — Все проходит. Роман в 2-х кн. «Медный
Всадник» 1926 г. 534 стр.
- ” — Ложь. Роман изд. Силяльской 408 стр.
- ” — Цесаревна. Истор. роман изд. Силяльской
1933 г. 380 стр.
- ” — Екатерина Великая. Истор. роман изд.
Силяльской 1935 г. 451 стр.
- ” — Единая - Неделимая. Роман изд. «Мед-
ный Всадник» 1925 г. 498 стр.
- ” — За чертополохом. Фантаст. роман изд.
Рига 1928 г. 364 стр.
- ” — Ненависть. Роман изд. Силяльской 1934 г.
400 стр.
- ” — Амазонка пустыни. Роман изд. Силяль-
ской. Берлин 1922 г. 195 стр.
- ” — Душа армии. Изд. «Медный Всадник»,
156 стр.
- ” — Венок на могилу неизвестного солдата
Императорской Русской армии. Изд. Вар-
шава 1924 г. 51 стр.
- ” — Исторические очерки Дона. Изд. журнала
«На казачьем посту» 1944 г. кн. 1 и 2, 96
стр.
- КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СОЮЗА РУССКИХ ВО-
ЕННЫХ ИНВАЛИДОВ В ШАНХАЕ.** — К
10-летнему юбилею его существования.
1926-1936 гг. 56 стр.
- КРЕСТОВСКАЯ ЛИДИЯ** — Из истории рус-
ского волонтерского движения во Фран-
ции. Изд. Поволоцкого, Париж, 149 стр. с
рис. и иллюстр.
- фон-КУБЕ, Максимилиан Оскарович — Крат-
кий очерк по истории русского флота. На
ротаторе, в лагере, в Германии.
- ” — Дела давно минувших дней. Изд. Шан-
хай, 250 стр. 11 морских рассказов. «Рус.
Мор. Заруб. Библ.» № 42.
- ” — С полуночи случаи. Сборник рассказов,
68 стр., изд. Прага «Рус. Мор. Заруб. Библ.»
№ 23.
- КУЗНЕЦОВ — Б. М. — 1918 год в Дагестане.
87 стр. изд. «Военный Вестник» Нью-Йорк
1918 г. изд. на ротаторе.
- ” — В угоду Сталину. ч. 1 и 2. ротаторное из-
дание. каждый том по 125 стр. История вы-
дач 1945-1946 гг., изд. Нью-Йорк.
- КУЗНЕЦОВ Г. М. — «Военный Вестник» №№
1 по 7 включ, на ротаторе по 100 стр.
- КУЛЬНЕВ Л. И. — Волны жизни. Отрывок из
воспоминаний Париж 1955 г. Второе изда-
ние. 34 стр. с фотограф. Цена 350 ст. фр.
- КУПРИН А. И. — Юнкера. Изд. «Возрожде-
ние» Париж 1933 г. 326 стр.
- КУРЛОВ генерал — Гибель Императорской
России. Изд. Отто Кирхнер, Берлин 1923 г.
227 стр.
- «ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ» — сборник статей его
памяти. Изд. комитета им. ген. Кутепова,
- ЛАБЗИН В. Н. — Памятка Николаевского кад.
кор. под председ. ген. Миллера. Париж
1934 г. 380 стр.
- ЛАБЗИН В. Н. — Памятка Николаевского ка-
детского корпуса (1833 - 23/IV - 1933). Па-
риж 1933 г. 16 стр. с портр. Императоров
Николая I и Николая II и генерала Дружи-
нина. Фотография пожалования знамени
13 мая 1900 г.
- ген. майор фон-ЛАМПЕ — Причины неудачи
вооруженного выступления белых. Берлин
1939 г. 23 стр.
- ” — Пути верных. Сборник статей. Париж
1960 г. тип. Наварр, 260 стр.
- ген. майор ЛАРИОНОВ — Записки участника
мировой войны. 26 пехотная дивизия в опе-
рациях 1 и 2 армий на Восточно-Прусском
и Польском театрах в начале войны. Склад
издания — Харбин.
- «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД» — издание Отдела печа-
ти Российского Обще-Национального На-
родно-Державного Движения. 1949 г. Гер-
мания. 12 стр. со мн. рис. Большого фор-
мата.
- «ЛЕЙБ-КАЗАКИ» — Стихи и песни. Париж
1936 г. Издание Музея лейб-гвардии Каза-
чьего Его Величества полка. 84 стр. на хор.
бумаге в плотной издательской обложке.
- ЛЕОНТОВИЧ Владимир — Первые бои на Ку-
бани. Воспоминания, изд. «Молодая Рос-
сия» Мюнхен 1923 г. 88 стр. с портр. ген.
Покровского.
- Флота ген. лейтен. В. М. ЛИНДЕН — Шквал.
Изд. Прага 1937 г. «Рус. Морс. Заруб. Би-
блиот.» № 51 с портр. автора. Издана по слу-
чаю 75-летия пребывания автора в офицер-
ских чинах. 24 стр. Предисловие стар. лейт.
Деменкова, лейт. Штром и Стажевича.
- ЛИНЬКОВ, А. — Атаман Семенов. Первые две
главы из сочинения «Атаман Семенов и его
Отряд». Чита 1919 г. 37 стр.
- ЛИШИН Н. Н. — На Каспийском море. Год бе-
лой борьбы. «Рус. Заруб. Морс. Библ.» №
53, изд. «Морского Журнала». Прага 1938
г. 182 стр.
- генерал ЛУКОМСКИЙ А. С. — Воспоминания.
Изд. Берлин Отто Кирхнер. 1922 г. том I
— 300 стр. и том II — 332 стр.

(Продолжение следует)

АЛЕКСЕЙ ГЕРИНГ

Вышла из печати

История Лейб-Гвардии Конного полка

в образах и картинах, под редакцией А. П. Тучкова и В. И. Вуича, 300 альбомов в художественных коробках. Нумерованы от № 1 до № 300, содержит 199 листов фототипий в черном, 46 листов в красках, в 12 художественных папках и подробное описание на русском и французском языках.

Цена альбома без пересылки 300 нов. фр., в странах заокеанских — 70 ам. дол.
Заказы принимаются в конторе журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»
61, rue Шардон-Лагаш, Париж 16. С.С.Р. 3910-12 Paris «Le Passé Militaire»

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon - Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren. Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого, 410, Rivercide Drive Ap. 103 A. New-York 25. б) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, в) у С. А. Кашкина — 30-11, Parsons bld., Ap. 2 X, Flushing 54, N.-Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Т. Бордокова, Zapiola 4192 Buenoe - Aires, Argentina.

Литературно-политические тетради

« ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:
73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8e.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3/4(55)

т. XIX 1961. г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию:

В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville,
St. Germain en Laye (S. et O.)

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Г. А. ДЖУДЖИЕВА

« LE MAGASIN DU LIVRE »

10, rue des Carmes, Paris 5^e

ПРОДАЕТ НАШИ ЖУРНАЛЫ И ПРИНИМАЕТ ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДАНИЯ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, rue Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена — 20 нов. фр., страны заокеанские — 5 амер. долл.

Отделом Обще-Кадетского Объединения в Сан-Франциско издана и выпущена в продажу, в пользу Фонда Братской Помощи нуждающимся бывшим кадетам Российских кадетских корпусов, книга, недавно скончавшегося кадета Воронежского Великого Князя Михаила Павловича к. к. талантливого писателя АНАТОЛИЯ МАРКОВА

«КАДЕТЫ И ЮНКЕРА»

(дома и на войне)

В эту книгу, отдельными главами, входит: история военно-учебных заведений в России, воспоминания о кадетском корпусе и училище, участие юнкеров и кадет в борьбе за честь и свободу России, кадетские корпуса и военные училища в зарубежье. Книга снабжена таблицей в красках погон всех Императорских и зарубежных кадетских корпусов, таблицей знаков всех военных училищ и многочисленными (более трехсот) фотографиями из жизни почти всех кадетских корпусов и военных училищ в России и в зарубежье.

Цена книги — 4 американ. доллара (с пересылкой).

Желающим приобрести эту столь интересную, в особенности для военных, книгу надлежит посыпать заказ и деньги по адресу Представителя «Военной Были» в Сан-Франциско Г. А. Куторга: 272, 2 Ave San-Francisco 18, Cal. U.S.A. а в Европе в Контору Издательства «Военная Быль»:

61, rue Chardon-Lagache, Paris 16

ЗНАЧКИ КОНСТАНТИНОВСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА

принимаются заказы на любое количество по цене 5 нов. фр., в странах заокеанских — 1 дол. 25 ц. без пересылки.

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

принимаются заказы.

Цена — 2 нов. фр. 50 с. В странах заокеанских — 75 ц. без пересылки.
M. Marine, 18, rue Plumet, Paris 15°.
С.С.Р. 9325-52, Paris.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

«ВОЕННОЙ БЫЛИ» № I

П. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917-1922 г.г.

Рисунки С. Г. Лучанинова и В. П. Ягелло
Фотографии М. Л. Бродского

Издание журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» отпечатана в количестве 250 нумерованных экземпляров. Цена — 6 нов. фр., в странах заокеанских — 1 дол. 50 ц.